№ 28—29 Ноябрь—Декабрь 1932 г. Цена 10 сентов

1022
Р 4-4
Рос 1-105

PROBUZHDENIE

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ № 28—29

Эррико Малатеста — — — — — — — — — — М. НЕТТЛАУ
На Кресте Золотом — — — — — — — — — — — А. КОНСЕ
Методы анархической пропаганды — — — — А. ГОРЕЛИК
Анархисты в русской революции — — — — — — Ф. ДРУГОВ
Библиография .... — — — — — — — — — — Л. ЛИПОТКИН
Резолюции канадского с'езда — — — — — — — — —
Документации — — — — — — — — — — — —
Отчет Федерации — — — — — — — — — — —

Рос 4-4
1-105

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 13 ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА
64-196

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 28—29 НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1932.

MAX NETTLAU.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА

(4-го декабря 1853 — 22-го июля 1932)

СМЕРТЬ старейшего, самого активного и преданного представителя анархической мысли, воли и действия, Эррико Малатеста, является одною из тех непоправимых и неизбежных потерь, которые могут быть смягчены, если мы будем сохранять память о нем, если мы попытаемся понять вполне значение его учения, если мы, где наши суждения и способности позволяют это, будем продолжать действовать в его духе. Но для этого мы должны знать его лучше, чем он вообще известен современному поколению. Так как я знал его лично с 1889 до 1912 года и при помощи переписки почти до его смерти, — последнее его письмо ко мне написано 31-го мая 1932, — и так как я сделал историческое расследование многих частей его долгой жизни, я могу сказать что нибудь о нем в форме биографического анализа его развития от ранней молодости, а при других случаях могу рассмотреть, чем являются для меня самые поразительные части его анархических концепций. У всех тех, кто были независимыми анархическими мыслителями, эти идеи были подобны живому организму, сформированному и обработанному под общим влиянием основных начал индивидуальности, среды и опыта, старого и нового, собиравшихся вокруг. Отсюда результаты должны быть разнообразные. И наш собственный анархизм, следовательно, должен происходить из нашего внутреннего содержания, сочетаясь со многим, наблюдение чего, изучение и практикование может научить нас. Ибо, где одинаковая программа, одинаковое вступление в группу или организацию или впечатление, производимое одинаковыми памфлетами или книгами — одно это создает в самом деле очень плохих анархистов. Поэтому, жизнь Малатесты заслуживает того, чтобы ее знали, как жизнь 60-летней борьбы, оставившей его на 78-м году любознательным наблюдателем и ученым.

Родившийся 4-го декабря 1853 года в небольшом Неаполитанском провинциальном городке, который занимает место когда-то богатого Капуа римлян, сын местных людей среднего достатка и вероятно умеренных либеральных взглядов, рано потерявший родителей, он получил образование среднего разряда в пределах лицея и готовился к изучению медицины в Неапольском университете, начиная вероятно с осени 1870 года, когда ему было около 17-ти лет.

Последние битвы в Гарибальдийской эпопее 1860 года, битвы за проход Вольтюрно, происходили как раз между родным домом Малатесты и крепостью Капуа (современное название города). Еще в детстве он не мог не видеть колоссальных изменений: крушения старого режима абсолютизма под напором восстаний юношей; он должен был видеть, что новая система государственности с либеральной вывеской не может также удовлетворить желаний (и надежд) наиболее передовых людей. Снова шла подпольная работа во имя политической свободы масс, но массы страдали по-прежнему, и эти политические изменения не уменьшали их страданий. Там, в колледже, он был вдохновлен героями классических веков, людьми трибуны, Гракхами, революционными рабами, Спартаком, тираноубийством, Брутом и мечтал стать освободителем подобно им, воином на баррикадах. Глядя на окружавшее его общество шестидесятых годов, он видел всю инквизицию социального закрепощения и нищенскую жизнь бедняков и чувствовал, что требовалось нечто большее, чем формальная политическая свобода классической республики.

Он видел в то время, в период 1868—1870 годов, одного человека, который оправдал социальные надежды итальянского народа, который в то же самое время был известен как революционер и конспиратор втечение сорока лет и был всеми уважаем за его честность и непоколебимость в своих задачах — это был Джузеппе Мадзини. Чистое мышление Малатесты не приняло теологической, мистической стороны учения Мадзини и он не мог уразуметь тогда — не имея опыта и средств сравнения — недостатков его социальной доктрины. Но, в целом, он решил отдать свой долг мадзинистам и со свойственной ему прямотой выразил желание вступить в тайную организацию мадзинистов. Их очень авторитарная природа, тем не менее, привела их к тому, что они принимали только безусловно верующих. Молодого студента они рассматривали как человека независимой мысли, который никогда не примет без оговорок всего кредо мадзинизма; и они не приняли его, показав хорошее предвидение его качеств. Он стал немедленно как-то подозрительным, как студент, из-за участия в шумных республиканских демонстрациях, приведших к первому аресту. Некоторые студенты - друзья собирались вокруг него, а захватывающие события 1870—1871 годов, особенно 18-го марта и Парижская коммуна, очаровали его. В таком состоянии духа в то время он дискуссировал в кафе с молодым адвокатом Кармело Палладино, который был не только в Неапольской секции Интернационала, но и в тайных итальянских группах и секциях, и который прямо или косвенно был в теснейшей связи с Бакуниным в Локарно. Кроме этого, в Неаполе жили многие личные друзья Бакунина, который жил там два года, 1865-67. Итак, благодаря Палладино и других, Малатеста был скоро полностью информирован не только об Интернационале в целом, но также и о большом расколе в нем между Марксом и Бакуниным, об идеях, авторитарных и анархических социалистов и об активной борьбе, открытой или подпольной, между ними. Без всяких колебаний он стал на сторону анархических социалистов и с тех пор, с весны 1871 г., работал с ними и для них 61 год до своей смерти в 1932 году. Будучи молодым в то время, он с самого начала стал полезнейшим членом Неапольской секции, которая вовсе не процветала, когда он присоединился к ней, а клонилась к упадку после своего основания (начиная с 1869 г.) под влиянием несколько вредных факторов. Он и его друзья, энтузиасты Коммуны, отвергли Мадзини, который оказался самым жестоким врагом Коммуны и Интернационала. Ревностные пропагандисты увеличивали ряды секции, пока правительство в августе не забило тревогу и не распустило секцию, возбудив преследование против многих, а также против Малатесты. Это было первое преследование его как социалиста. Маркс и Энгельс в то время также хотели наложить руки на итальянские секции, чтобы разрушить в них влияние Бакунина и, как они пытались это сделать в Испании, превратить Интернационал в обеих странах в

политическую избирательную рабочую партию. Они даже заручились помощью пламенного молодого итальянского социалиста Карло Кафиеро, при своем личном знакомстве в Лондоне, который относился с предубеждением ко всему тому, что они говорили ему против Бакунина, об'ездившего всю Италию и остановившегося на жительство в Неаполе — он был богатый и независимый молодой студент - юрист — с целью совершенно изгнать Бакунизм из Италии и заложить основание марксистского политического социализма; он был также замешан в преследованиях в августе 1871 года. Его письмо к Энгельсу, которое я опубликовал, показывает его страшно предубежденным в то время против Бакунина, но как честный человек, каким он был, он желал исследовать все дальше и увидеть вещи своими собственными глазами. Он делал это постепенно и многое из этого было сделано благодаря Малатесте, который стал его другом. Малатеста, таким образом, заручился для итальянского анархизма одним из самых преданных и ярких сторонников и втечение следующих десяти лет марксистские планы были разрушены.

Запрещенная секция продолжала существовать благодаря внутренней крепкой спайке, бакунинскими ячейками, и скоро была возрождена в форме Неапольской Рабочей Федерации, общественной организации, программа которой — напечатана зимою 1871-2 года — искусственно соединяла главные положения Интернационала 1864 года и анархо - коллективистские принципы, как они были форулированы Бакуниным. Этот редкий документ подписан: Эррико Малатестой, студентом, федеральным секретарем, и другими революционерами, а также Кафиеро. Это, может быть, самый ранний документ, подписанный Малатестой, который несомненно является результатом коллективных обсуждений. Малатеста, подписавший его первым, может быть принял полное участие в этом. Во всяком случае, он носит в себе характеристику (по моему мнению) всего того, что он написал за 60 лет. Этот документ является живым и для нашего теперешнего мышления, так как он не устарел и совсем не ухудшился, как многие ранние тексты кажутся нам сейчас. Он был активным в этой Федерации (позже опять в Неапольской секции) до тех пор, пока его не тревожили в Неаполе. Из этого центра он и его товарищи вели широкую работу, посещая другие места в районе Неаполя, и основывали секции где только могли. Это безсомненно была его главная деятельность там в 1872-73 годах, а затем, после периода арестов, в1874-75-76 и в 1877 году.

1872 год принес большую заинтересованность итальянцев Интернационалом, что оживило протест Бакунина против Мадзини и пробудило социалистические симпатии многих воинственных гарибальдийцев; близкие товарищи Бакунина распорядились соединить новые секции в Федерацию и в результате в августе, на конференции, состоявшейся в Римини (Романья), Итальянская Федерация была создана. Одновременно настроение Генерального Совета, поощряемое Марксом и Энгельсом, создало такое положение, что связи с этим учреждением были невозможны и Конференция в Римини прямо заявила о разрыве с Лондонским учреждением. Это был решительный поступок, который ушел еще дальше, чем мечтал Бакунин и другие антиавторитарные интернационалисты того времени.

Малатеста, по причине, которая могла быть случайной и которую я игнорирую, не был на той конференции, но был номинирован там в члены Статистической Комиссии Итальянской Федерации, комиссии, которая наряду с административной Комиссией Переписи, имела бы для выполнения больше революционной работы, чем простой статистики. Ибо Интернационал был тогда создан молодыми итальянцами прежде всего как революционная единица для ближайшего действия. Несколько недель спустя Малатеста уехал в Цюрих, как самый младший из итальянских делегатов, чтобы встретить находившегося там тем летом Бакунина — это было лето, когда многие русские студенты и студентки Цюрихского университета и Политехникума

вошли там в очень тесную связь с Бакуниным, — чтобы встретить также испанских делегатов Интернационала, возвращавшихся с Гаагского Конгресса и других. Таким образом он увидел самых революционных швейцарцев, русских, испанцев, некоторых французских товарищей и Бакунина, который одно время заинтересовался его серьезностью и ясностью задач и, зная его молодость, дал ему внутри кружка условное имя "Веньямина" для переписки. Он прибыл в Цюрих смертельно усталым и простуженным, а поэтому прежде всего лег в углу и заснул. Он помнил, что когда он отдыхал в шумной комнате, Бакунин подошел к нему очень тихо и прикрыл его своим большим плащом, чтобы согреть и защитить его, и что у него прошла простуда и усталость. Это маловажное действие может быть описано как аллегория, превращенная в действительность всей его шестидесятилетней деятельностью в чисто бакунинском духе: ибо, если бакунинский "плащ падал на кого нибудь", как гласит поговорка, то он упал на Эррико Малатеста и он заслуживал его.

Теперь он был в тесном кругу тех, кто на этих Цюрихских совещаниях придал новую форму существовавшей с 1864 года внутренней группе бакунинского тайного общества, Международного Братства, называвшегося тогда Альянсом Революционных Социалистов. Все их принципы, тактика и практические вопросы дискуссировались втечение нескольких дней, а также действия внутри Интернационала, чтобы отвергнуть авторитарную диктатуру (марксистов и бланкистов), которая преобладала на Гаагском конгрессе. С этой целью эти делегаты, бывшие в Цюрихе, встретились с юрскими (швейцарцы) делегатами в Ст. Имье (Юра) и там состоялся Международный конгресс 15—16 сентября, принявший хорошо известную резолюцию, которая была, с декларацией гаагского меньшинства на Гаагском конгрессе, базисом антиавторитарного Интернационала. Малатеста, самый младший из всех, не проявил какого либо оригинального действия в те напряженные дни, он только мог соглашаться с тем, что было сделано, и быть счастливым по поводу этого: там он завязал дружбу с испанскими делегатами, будучи уже знаком тогда с большим испанским движением (как я вижу из испанских газет 1871—1872 годов, посланных на его неапольский адрес и еще сохранившихся во время моей поездки по Италии в 1903 году). В Юре старые товарищи 20 лет спустя хорошо его помнили, как живейшего из всех, рвавшегося к борьбе за революцию и предпочитавшего передовую штыковую атаку. Он не остался в Швейцарии, но вернулся домой в Неаполь на зиму для пропаганды и агитации и подготовки Итальянского конгресса, который должен был состояться 15-го марта 1873 года.

Но, он помогал работе только в тот день, в Болонье, и был арестован с рядом других делегатов на другой день, в то время, как остальные делегаты — их было 53 от 150 секций — продолжали Конгресс, как тайную конвенцию. Он пробыл в тюрьме 54 дня, а затем был освобожден без пред'явленного ему обвинения — обыкновенный путь для косвенной помехи революционерам. Тогда он посещал Бакунина в Локарно, в мае, втечение нескольких недель. Тогда же он очень близко познакомился с Бакуниным и революционным положением в Испании — приведшим вскоре к Кантоналистским восстаниям на юге, а также к некоторому социальному под'ему интернационалистов от Андалузии до Барселоны. Это привело Бакунина к мысли совершить поездку в Барселону в компании Малатесты, что было очень трудным предприятием, вследствие отсутствия средств и кружной дороги, через Италию, которую приходилось избрать. Чтобы подготовить все это, Малатеста быстро уехал в Барлетту в Апулии, где жил Кафиеро, но там был очень скоро арестован и продержан в тюрьме шесть месяцев, от июля 1873 до января 1874, а затем освобожден без всяких обвинений.

Это сделало испанскую экспедицию невозможной и не позволило ему посетить Женевский Международный Конгресс (в

сентябре). И когда он в январе 1874 года еще раз приехал в Локарно, он нашел, что за несколько недель до этого его близкие друзья и Бакунин согласились подготовлять всеобщее итальянское возстание летом 1874 года. Он согласился делать, что мог, чтобы подготовить и начать это возстание в Северной Италии, Неаполе и дальше на Юге, в то время, как другие должны были делать то же самое для Романьи, Тосканы и других районов. Это делало Малатесту частично действующим от Неаполя до Сицилии. Для окончательного согласования действий и доставки оружия он в июле совершил еще одну поездку в Локарно. Я не могу дальше входить в этот предмет, но имеющиеся данные показывают, что инициатива, методы и планы, известные недочеты и ошибки — все это не было его делом. Он предпринял работу в южной части и там, частично, он был разочарован отсутствием многих, которые обещали принять участие в работе. Тем не менее, с очень немногими он начал работать в Апулианских горах, между Минервино и Корато, где средневековый замок, Касель дель Монте, был их главной квартирой. Район был окружен солдатами и их начинание, не имевшее поддержки, должно было быть оставлено. Через несколько дней он оказался в Неаполе и пытался пробраться в Швейцарию (Локарно), но был арестован в дороге. Находясь в тюрьме с августа 1874 до августа 1875, он и другие были преданы суду в Трани (1—5 августа). Суд, где они защищали свои социальные идеалы, был триумфом для них: присяжные оправдали их и пожали им руки.

Затем он скоро посетил Кафиеро в Локарно, чтобы обсудить вопрос о реорганизации Интернационала — разгромленного массовыми арестами в 1874 году и находившегося перед другими большими процессами до 1876 года, закончившимися оправданием — а также посетил последний раз Бакунина в Локарно, которого в то время, за девять месяцев до смерти, он нашел в состоянии плохого здоровья. Немного времени спустя Малатеста совершил поездку в Испанию через Мадрид и добрался до Кадикса, где встретился с наиболее революционными членами официально запрещенного, но существовавшего нелегально Интернационала, а также посетил заключенных. Затем он вернулся в Неаполь, где его престиж стоял очень высоко, занялся усиленной пропагандой и подготовил митинг в Риме, в марте 1876 года, вернее, частное совещание товарищей, желавших возобновить деятельность Интернационала. Это, однако, было еще невозможно, так как самые большие процессы, как Болонский процесс с 15-го марта по 17-е июня, тогда только начинались. Новое правительство (Никатера) вынудило Малатесту вернуться в Неаполь .

В то время он дважды пытался пробраться в Белград с намерением сражаться вместе с другими итальянцами в сербской армии против Турции. Будучи арестованным в Триесте, а другой раз в Новом Саде (Кроатия), он оба раза возвращался в Италию и через Флоренцию прибыл в Неаполь. Он был, конечно, противником турок, как были ими и все итальянцы и славяне, но это больше всего об'яснялось двумя фактами — соперничеством молодых интернационалистов с молодыми республиканцами, гарибальдийцами и другими, желавшими продемонстрировать свое мужество, а для Малатесты тем фактом, что в 1874 году, в Кастель дель Монте, только отдельные выстрелы на некотором разстоянии раздавались между интернационалистами и жандармами; поэтому он пожелал показать свою готовность к более ожесточенной борьбе, к штыковой атаке или другой борьбе в этом роде. В то время ему было только двадцать два с половиной года.

В Неаполе тем летом он, Кафиеро, Ковели и другие — Андрея Коста, оправданный в Болонье 17-го июня, был несомненно в письменной, если не в личной, связи с ним — были заняты работой по созыву в октябре во Флоренции Итальянского Конгресса. После дискуссии они согласились провозгласить **коммунистический анархизм** вместо **коллективистического анархизма.** Это был новый этап, который я обсуждал в другой статье в этом журнале

по поводу развития анархических идей. Какой прецедент уже существовал, можно прочесть там и читатель будет помнить, что это имело место приблизительно в то время, когда Кропоткин совершил побег из петербургского Военного госпиталя с намерением пробраться в Англию, приблизительно во время смерти Бакунина, 1-го июля.

Андреа Коста согласился по поводу коммунистического анархизма, но он не соглашался с другим результатом дискуссий и совещаний в Неаполе, а именно, с новым итальянским восстанием, подготовлявшимся к 1877 году. В действительности, Коста, бывший душою подготовлявшегося возстания в 1874 году, а также источником его многих критических ошибок, но после его оправдания ставший более популярным человеком в его родной Романье, в своей местности Имола, не хотел начинать снова. Он не хотел, чтобы стало известно, что он был против нового движения такого революционного характера, а поэтому он принял все меры предосторожности, чтобы не оказать ему реальной поддержки.

Случилось так, что когда Кафиеро и Малатеста прибыли во Флоренцию на Конгресс, из Неаполя, 20-го октября 1876 г., Коста и другие уже были арестованы, но их документы были в безопасности. Неапольские и другие делегаты, пройдя целую ночь, достигли местности в горах, затем, так как были замечены полицией, глубокого большого леса, а потом еще одного леса. Там 21-го и 22-го октября они разрешили свои дела, согласившись в отношении коммунистического анархизма, выработав план возстания и отвергнув попытку одобрить избирательную политику. 24-го октября Малатеста и Кафиеро были уже в Биле (Швейцария) и встретили там Джемса Гильома. На другой день они прибыли в Берн, где 26—30 октября состоялся Восьмой Конгресс Интернационала. Этот конгресс, кроме конгресса в Ст. Имье 1872 года, был единственным конгрессом, в котором Малатеста мог принять участие, так как во время конгресса в Женеве (1873), Брюсселе (1874), и Вервье (1877) он был в тюрьме. После этого он напечатал отрывки о Бернском Конгрессе (Берн, 1876, 112 стр.), позволяющие нам видеть, что он выступал с докладами и принимал участие в дебатах на этом конгрессе в очень приятной, оригинальной и независимой форме. Где другие участники конгресса показывали утомление и стремились к умеренности и смягчению вопросов, его замечания показывали бодрость, последовательность и надежду. Если некоторые считают нужным вставлять палки в колеса социального движения, говорил он, для нас движение человечества вперед кажется таким незначительным, чтобы представлять какую нибудь опасность, как движение звезд на небе.

Он и Кафиеро переживали тогда тяжелое время в той части Швейцарии. Они должны были заниматься физическим трудом, чтобы поддерживать свое существование, и иногда изнемогали в поисках средств на покупку оружия для подготовки возстания. Это привело их даже к первой курьезной встрече с Кропоткиным, жившим в Лондоне, который был вызван в Швейцарию в последних месяцах 1876 года по следующей причине — это неоспоримый факт, о котором разсказал мне он сам и другие, и о котором я рассказал еще в 1922 году. Русская анархистка, одна из знавших Бакунина в 1872 году, желала получить свою долю большого наследства при помощи фиктивного брака для некоторых других целей и на поддержку предполагавшегося итальянского восстания. Она считала, что брак с настоящим князем устранит препятствия, которые были подняты ее семейством против распоряжения ею своею долей наследства так, как она находила нужным. Поэтому Кропоткин, игнорировавший причину его приглашения в Швейцарию, там получил предложение жениться условно на этой даме. Сначала он колебался, а в конце концов отказался, что разочаровало эту даму и итальянцев. Говоря об этом, он улыбался, так как он и итальянцы тогда очень мало знали друг друга, и что такой странной была их первая встреча. В конце концов Кафиеро неожиданно для себя собрал некоторую сумму денег и они вернулись в Неаполь в конце 1876 года.

Восстание 1877 года, таким образом, было подготовлено непосредственно Малатестой и его близкими друзьями. Нельзя судить, как оно в действительности случилось — обыкновенно оно происходит как изолированный взрыв — но нужно знать, как оно подготовлялось в целом. Было очевидно, что оно старалось тщательно использовать уроки 1874 года. Ни кооперации с другими передовыми партиями, ни отдельных вспышек не подготовляли и не ожидали в то время. Идея состояла в том, что в южном гористом районе с ограниченными путями сообщения должна начаться аграрная революция и ограничиться одной местностью, с тем, чтобы сопротивление ей было подавлено в самом начале, а затем должны были последовать другие взрывы в мелких и больших городах, крестьяне в других районах должны были вступить в борьбу с правительственными силами и сделать восстаание всеобщим: Это был план в бакунинском духе, как при других обстоятельствах бакунинские планы проявлялись во время событий 1848-49 года.

Южное восстание было хорошо подготовлено, но местный влиятельный крестьянин, который должен был быть посвященным до некоторой степени, стал изменником, что ускорило местный взрыв при самых неблагоприятных условиях, уже в апреле 1877 года, а поэтому неизбежным результатом было полное поражение и арест всех. Что случилось в горах с сетью организаций Монте Матесе, было хорошо отмечено и вызвало всеобщие симпатии ко всем заключенным, которые, наконец, в августе 1878 года, после долгого суда, состоявшегося в Беневенто, были освобождены. Это дало свободу Малатесте. Он провел месяц в Неаполе, но был подвергнут такому полицейскому надзору и так был изолирован административно, что он решил временно оставить Италию и уехал в Египет, где многие итальянцы и многие хорошие товарищи устроились (осенью 1878). Это была его первая добровольная ссылка.

Тогда, вследствие неблагоприятных условий, Малатеста втечение пяти лет — исключая несколько недель—был лишен общественной деятельности в Италии благодаря преследованиям, ссылке и тюрьме. Втечение этих лет организация Итальянского Интернационала была разрушена. Предательская избирательная партия, созданная под очевидным революционным флагом, нанесла такой урон, который его даже самые усиленные старания в 1883-84 годах не могли исправить.

Покушение Пассанате на жизнь короля Умберто (17-го ноября 1879) и взрыв бомбы во Флоренции против патриотической демонстрации (18-го ноября 1879) привели к фашистско-подобным преследованиям анархистов. Этой тревогой Малатеста был изгнан из Египта в Сирию и в нескольких случаях едва не был выдан Италии. Ему удалось уехать в Женеву через Марсель; наслаждаясь несколькими месяцами отдыха в Женеве, он встретил Кропоткина, а также Черкезова, и был свидетелем основания и первых недель существования "Револьте". За подписание плаката против угрожавшей казни Пассанате (14-го марта), он был изгнан из Швейцарии. После 5 или 6 месяцев пребывания в Брайле (Румынии) в качестве учителя, из-за сырого климата он вынужден был оставить нездоровый низкий Дунайский район и остановился в Париже, где он был очень деятельным в ранних французских группах, тогда создававшихся, главным образом в группе на улице Паскаля, где занимались революционной работой Жан Грав, Кафиеро, Черкезов и другие. Скоро он был изгнан из Франции, затем вернулся, но опять был изгнан, вернулся под другим именем и за это был заключен на 6 месяцев в тюрьму (4 месяца в одиночном заключении). Промежутками он был в Бельгии, совершал тайные поездки в Швейцарию, уехал в Англию под наблюдением полиции, но вернулся в Париж. Короче говоря, он делал все возможное, чтобы остаться на континенте, но весной 1881 года он определенно должен был остановиться в Лондоне.

Между тем, Интернационал в Италии был разрушен большими процессами и еще больше бегством Андреа Коста, который в июле 1879 года перешел на сторону изби-

рательного социализма. И он сделал это в такой форме, что его переход вызвал сомнение и смущение среди интернационалистов, которые из-за старой веры и доверия колебались выступить против него и, частью, последовали его примеру. Спустя некоторое время, в 1881-82 годах, Кафиеро, самый надежный друг Малатесты, ставший умственно расстроенным, тоже одобрял избирательную политику, приведшую его к сумашествию, особенно ярко проявившемуся в апреле 1882 и в феврале 1883 года. Он был неизлечим от последней даты до его смерти в 1892 году. Дело Коста вызвало потерю веры в долго преследовавшиеся цели и свелось к вопросу честолюбия и наслаждения легкой жизнью профессионального социалиста - политика. Малатеста, оказавшийся лицом к лицу с трагедией и злосчастным фарсом среди бывших ближайших друзей, провел мучительные годы, пока в 1883 году не начал вести борьбу против этих невзгод с непоколебимым духом и обновленной энергией.

При таких обсттоятельствах, если исключить испанских товарищей, которые имели серьезные задачи перед собою с 1880 до 1883 года, немногие сохранили традиции анти-авторитарного Интернационала, который был слабым в Швейцарии и Бельгии и никогда больше не процветал во Франции, где Поль Брусс поддался вредной эволюции по отношению к парламентаризму, а потом Коста в Италии, и где почти все новые группы были строго анти-организационные. Единственным человеком, искренно заинтересованным Интернационалом, кроме Малатесты, был Кропоткин, но их взгляды и оценки сильно расходились, несмотря на их личные дружеские отношения. Малатеста описал это сам сдержанными, но безошибочными красками в своих замечаниях о Кропоткине, написанных для кропоткинского номера "Пробуждения" (февраль, 1931). Чтобы оценить полностью его мнение, мы должны помнить, что с 1877 года Кропоткин был корреспондентом - секретарем тесной группы, бывшего бакунинского Международного Братства, а Малатеста был самым деятельным членом ее. На этом поприще они встречались в Женеве в 1879 году, в Лондоне в 1881-82 годах, а также встречались и позже до начала войны 1914 года, когда, как сам Малатеста описал, их солидарность была разрушена. Малатеста, родившийся в 1853 году, был младшим по возрасту, но старшим членом (1872); Кропоткин, родившийся в 1842 году, был старшим по возрасту, но но младшим членом (1877) этой тесной группы. Остальные под разными предлогами оставили группу или не действовали больше. Таким образом, вместе с ним в 1932 году погас бакунинский тесный кружок 1864 года, просуществовавший, насколько мне известно, 68 лет, которые значат что нибудь в жизни анархической группы.

Я не могу входить в обстоятельства, которые сделали невозможным возрождение революционного Интернационала, номинально проголосованного Лондонским Международным Конгрессом в июле 1881 года, хотя Малатеста был главным вдохновителем конгресса и был номинирован в члены бюро общества, которое должно было быть основано. Но оно никогда не было основано. После отважной поездки в Египет летом 1882 года, Малатеста предпочел возобновить свою общественную деятельность в Италии, по возвращении из Египта в ранние месяцы 1883. Он подготовил газету "Иль Пополо" во Флоренции, но был арестован в мае по обвинению в праздновании Коммуны в Риме в марте месяце, но был освобожден, с стоявшей перед ним судебной процедурой в ноябре, процедурой, которая была также направлена против Ф. Л. Мерлино, в то время его самого близкого итальянского товарища по новым реорганизационным усилиям и борьбе с псевдо-революционными заблуждениями, освященными Андреа Коста. В то время он издал известный еженедельник "La Questione Sociale" (Флоренция, с 21-го декабря 1883 до 3-го августа 1884), где была напечатана его самая известная брошюра "Fra Contadini", разговор между двумя земледельческими рабочими. Он усиленно боролся с парламентскими заблуждениями и старался воскресить и соединить секции ин-

терпационалистов. Между тем он, Мерлино и другие были приговорены на 3 и 4 года тюремного заключения (февраль 1884) и они подали апелляцию. Газета и пропаганда были сокращены летом большой эпидемией холеры; он уехал в Неаполь ухаживать за больными в больницах, что делал и Коста. Потом высший суд в январе 1885 года утвердил его приговор (3 года), а также и верховный суд в апреле. Между тем, в начале 1885 года Малатеста и Мерлино оставили Италию.

Мерлино провел следующие годы в Лондоне, Париже и других заграничных городах, находясь в постоянной связи с итальянскими группами и газетами, как самый замечательный итальянский анархический писатель до 1889, в то время как Малатеста решил не сидеть в лондонской ссылке, но путешествовать с некоторыми старыми товарищами, большей частью по Аргентине. В Буэнос Айресе он был очень деятельным пропагандистом, ободрял итальянских и испанских товарищей, издал еще раз "Квестионе Социале", помогал основывать самые ранние синдикаты и вернулся в Европу только летом 1889, когда он имел надежды на подлинное социальное народное возрождение и народное недовольство, которое революционная инициатива и смелость могла бы превратить в борьбу за само-освобождение.

Бунты безработных, недовольство внутри социалистических партий, наступавшее майское движение (1890) и другие факты указывали на революционные возможности, в то время как реформистский характер социал-демократии и анти-организационные наклонности большинства анархистов, которые тем более нуждались в связи с народом, склонялись или к теоретическому догматизму или к личной слабости и снисходительности к сверх-индивидуалистическому коммунизму, с которым Мерлино ожесточенно боролся, были по мнению Малатесты теми препятствиями, которые он старался разрушить. С тех пор мы видим Малатесту мыслящим, планирующим и действующим, где только можно, во всех анархических движениях, по крайней мере в движениях западной и южной Европы, а также работавшим для революционной перемены в Италии, что было его главной целью. Задачи не были одинаковы, а поэтому его интернациональные и итальянские стремления не должны были быть смешаны. Но все это потребовало бы гораздо больше описаний и раз'яснений, чем я могу дать в этом биографическом очерке. Для этого нужно было бы разсказать об отношении к нему, о возражениях выдвигавшихся против него и как его планы часто разрушались.

Говоря вкратце, я могу сказать следующее: он был поверхностно описан как фанатик организаций, а его коммунистический анархизм считался недостаточно совершенным или безграничным. В действительности он настаивал на необходимости подготовки солидной кооперации и работоспособности во всяком деле, которое должно быть сделано. Он не мог смотреть на то, что все дела решались сами собою, автоматически самопроизвольно, что аккуратность, устойчивость, благонадежность были рабскими предразсудками, что отсутствие такой практической организации для работы считал он творческим фактором, гарантировавших успех. Противоположное было одобрено очень многими и было гораздо легче делать все и надеяться на какое нибудь самопроизвольное творчество, чем кооперировать с ними в тяжелой работе. Что касается коммунизма, то было легко и приятно утверждать, что уже теперешние магазины имеют такое изобилие продуктов для всех на всю жизнь, что работа была бы чистой формальностью и могла бы быть сокращена машинами до минимальной степени, благодаря чему человек, сохраняя свою автономию, мог бы использовать свободное время там, где и когда считал бы лучшим. Малатеста указывал на фантастический характер таких ожиданий и вероятную необходимость серьезной работы для закладки фундамента будущего действительного изобилия. Это было неприятно слушать. Осторожность рассматривалась как умеренность, приспособление как подчинение новой власти, аморфизм (отсутствие всяких форм вытекающих из соглашений)

и безграничный коммунизм захватнической толпы были очень популярны среди анархистов, а поэтому Малатеста был непопулярен. Это испортило, одним или другим путем, его старания с 1889 по 1895, не использовало его даже для предстоящих годов международного движения и создало до конца препятствия в Итталии. Кто бы ни чувствовал миссию стать известным, в те годы нападали на Малатесту и Мерлино, разоблачая их как умеренных. Мерлино давал острые отпоры, но в конце концов ушел из движения. Малатеста имел сильнейшие нервы и до своих последних дней он неустанно спорил со всеми такими оппонентами и пытался убедить их, но он, конечно, знал вред, который они наносили всем его планам и всему движению постоянными надбавками и преувеличениями, они разрушали всякую вещь, которая могла быть сделана без прикосновения руки к ней, но постоянно критиковали, что она могла быть лучше сделана и сделалась бы сама по себе; в конце концов ничего не было сделано.

Малатеста и группа преданных ему товарищей, веривших в его благоразумие и опыт, не могли устоять против таких существовавших тенденций. И когда мы перечисляем его планы и стремления, мы не можем отмечать в то же время их успехи, которые не являются окончательным доказательством их неудовлетворительности, но показывают, как медленно иногда размышление и хладнокровие начинают преобладать над иллюзиями и преувеличениями.

Замечательный "Appelo" (Призыв) в сентябре 1889, призывавший к собиранию рассыпанных анархических элементов разных оттенков—коммунистов и коллективистов, которые не должны бы разделяться из-за крайностей и разных экономических гипотез — в международную социалистическо-анархическую партию, и газета "L'Associazione" (Ассоциация) с дальнейшей программой такого характера (Ницца, затем Лондон, с 10-го октября 1889 до 23 января 1890) были оставлены без внимания, за исключением барселонских товарищей. Усилие координировать итальянские анархические и социал-революционные силы для предстоящего действия (Конгресс в Каполаго, январь — 1891; 1-ое мая 1891) было встречено большой оппозицией и закончилось неудачей. Видя безсилия неорганизованных парижских анархистов (1-го мая 1890) и итальянскую неудачу 1891 года, он принял участие — при помощи поездки в Испанию и чтения лекций там с ноября 1891 до января 1892 — в подготовке революционного майского движения в Испании в 1892 году, но восстание земледельческих рабочих в Хересе (Андалузия) в январе 1892, происшедшее в середине его путешествия, привело к страшным преследованиям и он должен был бежать из Испании. Он встречал только оппозицию со стороны французских анархистов, которые презирали организованность, мало заботились о связи с народом и очень ограничивали себя своей самоуверенностью при помощи личных действий, что совершенно изолировало их и позволило им рассыпаться перед преследованиями в 1893-94. Он не видел ничего практически - революционного характера, когда ездил в Бельгию в 1893 во время всеобщей политической забастовки.

В Италии зимою 1893-94 года, когда социальное восстание в Сицилии казалось распространится на полуостров, он был в большой опасности в центральной Италии, от Болоньи до Анконы, но ничего, имеющего большое значение, не случилось — кроме Луниджианского восстания — и он вернулся в Лондон, в то время, как Мерлино в Неаполе был предан и арестован в январе 1894 года, где тогда и закончилась его революционная карьера.

Он приветствовал глубокую мысль некоторых французских товарищей, прежде всего Эмиля Пуже, что анархисты должны при помощи работы в синдикатах установить тесную связь с рабочими. Он был одним из тех немногих, Фернанд Пеллутье, Амон, Корнелиссен, лондонская группа "Фридом", Пьетро Гори, находившийся тогда в Соединенных Штатах, и другие, которые подготовляли анархическое и синдикалистское сопротивление марксистам на Лон-

донском Международном Социалистическом Конгрессе в 1896 году. Но он никогда не был в числе тех, для которых постепенно или внезапно синдикализм стал системой, которая совершенно заняла место анархизма в их взглядах — или по их мнению предшествовавшая анархизму или совсем заменявшая ее. Он при всяком случае предостерегал против такой переоценки синдикализма, а особенно замечательно в больших дебатах на международном Анархическом конгрессе в Амстердаме в 1907 году.

Большие преследования анархистов и всех передовых партий в Италии в 1894-95 годах привели его к другому усилию — об'единить анти-монархические партии для ниспровержения общими усилиями монархии, а затем работать каждому для своих собственных целей. Организация, основанная в 1905 году, очень ясно изложила свои задачи в тайно изданном воззвании "Против монархии" в августе 1899 года. Все его другие планы и попытки не были встречены акттивной поддержкой, так как настоящих безкорыстных революционеров его типа было очень мало, а все другие должны были точить свои топоры: они и сейчас находятся в таком же положении, и его призыв подать друг другу руки для честных и безкорыстных усилий, чтобы свергнуть монархию или фашизм, встретили бы неискренний отклик, а поэтому, и монархия и фашизм продолжают существовать...

Но когда бы он ни имел случай руководить агитацией в Италии, Малатеста спешил на место, поэтому он рано прибыл в 1897 году в Анкону и проживал там тайно, будучи известен очень немногим товарищам. Там он издавал еженедельник "Агитация", самую замечательную газету, которая тогда была самой известной анархической газетой издававшейся в стране с 14-го марта 1897 года и дальше. Большинство связанных с нею были арестованы, но ее энергия оставалась неизменной. Полиция правильно пришла к заключению, что в газете пишет Малатеста, и начала искать его вблизи и вдалеке. Он жил очень близко, издавая газету в своей комнате. Он пользовался свежим воздухом навещая своих товарищей или даже тайно выступая на митингах по вечерам в ближайших местностях. Когда его осуждение было законно предписано, он заявил в газете от 21-го ноября, что действительно он издает ее, но полиция могла наложить на него свои руки только в ноябре, но затем снова освободила его. Во время местных хлебных бунтов он был арестован 17-го января 1898 года. После этого был создан большой судебный процесс, чтобы устранить его на долгое время. Между тем, предлоги были очень призрачные, а защита, так энергична, что они могли дать ему только 7 месяцев тюремного заключения, закончившегося 17-го августа.

Суд (21—27 апреля) состоялся непосредственно перед рядом социальных восстаний от Бари и Фоджия на юге до Милана на севере, которые были подавлены суровыми репрессиями и тысячами лет тюремного заключения. Это жестокое преследование закончилось для него ссылкой на острова, после окончания срока тюремного заключения, сначала на Ютика, затем на Лампедуза. Между тем в апреле 1899 года он бежал в небольшой лодке, отправившись на Мальту, а оттуда на английском пароходе уехал в Лондон (в мае). Вскоре он был приглашен редактировать "Квестионе Сосиале" в Патерсоне, Нью Джерзи, и он прибыл туда в августе. Он редактировал газету втечение года и прочел много лекций перед итальянцами в промышленных городах на востоке. Ему не было разрешено прочесть лекцию по испански в Кубе и он вернулся в Лондон ранней осенью 1900 года. Там он еще раз пытался об'единить итальянцев. Новая газета "L'Internazionale" была издана в начале 1901 года, но она недолго просуществовала.

Покушение Бресчи на жизнъ короля Умберто, убийство его 29-го июля 1910 года, на время облегчило итальянское положение; настоящее удовлетворение не было дано популярным партиям, но струны немного были ослаблены и это сделало возможной по крайней мере некоторую общественную литературную и организационную

пропаганду, но положило конец всем революционным настроениям на несколько лет. Малатеста, который имел ввиду революционное действие, пренебрегался в те годы разными анархическими фракциями в Италии и заграницей, которые шли каждая своим путем — за исключением, я должен сказать, женевского "Risveglio", где он всегда высоко ценился. Это продолжалось от 10 до 12 лет. Неделя Амстердамского конгресса и небольшая работа, сделанная Анархическим Интернационалом, не были вознаграждением за это большое пренебрежение. Националистические течения развивались в те годы, социализм стал реформизмом, организованный труд стал подчинен самым антиреволюционным политическим лидерам, но анархисты мало противодействовали всем этим опасностям и довольствовались изложением своих мнений в газетах разных оттенков теоретических концепций. Подобные обстоятельства постепенно заставили многих товарищей возложить свои надежды на Малатесту, который в конце концов прибыл еще раз в Анкону, где он редакттировал еженедельник "Volonta" (Воля), начиная с 8-го июня 1913 г.

Будучи в возрасте почти 60 лет, он начал еще раз большую кампанию по устройству митингов и по об'единению новых сил. В это время он пользовался широким престижом среди широких масс. Он ясно видел, до какой степени организованные социалисты и реформистские синдикалисты были устранены как революционные факторы, благодаря подчинению лидерству политиков. Он нашел немного лучшие настроения среди республиканцев, особенно молодых, в Романье, среди свободомыслящих, а также среди антимилитаристов. Он также нашел многих анархистов более готовыми кооперировать на широкой почве, оставляя в стороне мелкие различия, чем были они прежде втечение нескольких лет. Из всего этого он ковал революционную силу и знал, чего время требовало, когда мировая война казалась уже неизбежной в некоторых случаях. Поэтому он был очень активен и обнадежен, но торопился в своей деятельности, побуждаемый временем.

Затем последовал неожиданный взрыв в июне 1914 года, скоро принявший большие размеры, к которому многие элементы были уже подготовлены, а также произошла "Красная Неделя" в Романье, Анконе, повторившаяся во многих других частях Италии. Это было самое обнадеживающее революционное движение, с Малатестой в самом разгаре борьбы, пока все не было приведено в смущение и скоро не пришло к концу благодаря приказу реформистских лидеров прекратить всеобщую забастовку. Малатеста должен был оставить Италию, как преступник, и счастливо добрался до Лондона (в июне 1914 года) еще на один период ссылки до конца 1919 года.

Таким образом война застала его в Лондоне и он был одним из тех анархистов, которые не потеряли головы из-за войны, но которая, однако, привела его к полному разрыву с Кропоткиным или наоборот. Его отношение к этому фатальному вопросу можно видеть из целого ряда статей за 1914-15-16 годы. Русская революция интересовала его больше всего. И он уехал бы туда, чтобы видеть вещи своими собственными глазами — я не говорю в какой стадии революции — если бы английское правительство не запретило ему уехать. С согласия итальянского правительства, английское правительство также не позволило ему вернуться в Италию в 1919 году. Но когда военные действия закончились, общественные настроения поднялись очень высоко среди итальянских масс в городах и деревнях, и значительная часть народа, а не только анархисты, ожидали Малатесту, чтобы он принял самое активное участие. Анархисты, имевшие связь с ним, готовились к выпуску ежедневной газеты, которую он должен был редакттировать. В программе, которая несомненно была написана Малатестой, была провозглашена дружеская кооперация анархистов всех оттенков и отвергнута исключительность, что было провозглашено и в "Аппело" в 1889 году, к которому в то время никто не прислушивался. Таким образом, это было принято 30 лет спустя, хотя упущенные воз-

можности практиковать такую дружескую согласованность идей не могли быть исправлены этим запоздалым формальным принятием взаимной терпимости и уважения.

Наконец Малатеста освободился от английских цепей и романтическим путем, на угольном пароходе, шедшем из Кардиффа в Геную, был перенесен в Италию, где правительство в то время не могло открыто противиться его возвращению (конец декабря 1919 года). Работа на пристани и в городе Генуе прекратилась и народ, до последнего человека, приветствовал его с таким энтузиазмом, как будто сам Гарибальди вернулся из своей могилы. От него ожидали величайших вещей, ибо это были несомненно самые яркие исторические часы, дни и недели, когда, как казалось со стороны и по крайней мере на расстоянии, всеобщий под'ем был возможным, почти неизбежным и даже обнадеживающим; ибо падение царизма и социалистический шаг вперед осенью 1917 год (не вполне признанный в то время отдельными массами из-за неудовлетворительного авторитарного характера) в России стояли перед мыслью и воображением каждого. Если бы Малатеста хранил в себе хотя немного авторитарного духа и амбиций, он мог бы захватить власть в те недели. Но возгласы, которыми его иногда приветствовали: "Да здравствует итальянский Ленин!" — наивные возгласы или большевицкие попытки толкнуть его вперед и использовать — приносили ему только страдания, так как они показывали проявлявшийся авторитарный дух в массах.

Он и его друзья не могли исправить втечение нескольких дней то, что было неправильно сделано предыдущими поколениями. Социалистические рабочие, как бы они ни чувствовали себя в то время, еще подчинялись своим реформистским лидерам. Авторитарные революционеры находились под очарованием и влиянием московских интересов. Республиканская молодежь и многие другие передовые элементы были заражены патриотически Габриэлем д'Аннунцио и стали морально огрубевшими под влиянием поднимавшегося фашизма Муссолини.

Не было такого вопроса, чтобы Малатеста не взвешивал все его возможности и не напрягал каждый нерв. Известно, что он был сторонником быстрых действий и побуждал всех к этому. Он предвидел, что если момент будет упущен, быстро воцарится мстительная реакция и фашизм будет иметь возможность стать у власти. Со всех сторон, от анархистов, социалистов и коммунистов, он получал совет: жди, готовься... и таким образом момент был потерян. Все эти партии были очень активны в соревновании по организации и изданию газет и насаждению своего личного влияния и действий. А постоянным желанием Малатесты втечение 50 лет было желание стоять в стороне, когда все были заняты организацией и подготовкой и хотели, чтобы их никто не тревожил. Он никогда не считал себя совершенно готовым для действия. Реакция всегда бывает в выигрыше от такой нерешительности, а революция — никогда.

Тогда было достаточно такой подготовительной анархической работы и Малатеста имел большую долю в ней — замечательные митинги и известная ежедневная газета "Umanita Nova" (Новое Человечество) в Милане, Союз Итальянских Анархистов и Союз Итальянских Синдикалистов, две большие организации. В 1920-21 годах было много общественных бунтов, достигших высшего апогея в захвате заводов металлургической промышленности в северной Италии в сентябре 1920 года. Это создало в последний раз революционное положение, но реформистские социалисты задушили движение предательскими компромиссами своих лидеров, точно так же, как они подавили восстание в Романье в июне 1914 года. Тогда вопрос сводился к нескольким неделям, чтобы нанести удар Малатесте, который и был арестован 17-го октября 1920 года. Власти продержали в тюрьме его умышленно без суда 10 месяцев. Втечение этого времени он об'явил голодную забастовку. Молодые товарищи, чтобы спасти его, устроили ужасный взрыв,

который принес им тюремное заключение на безконечное количество лет. Некоторые там уже умерли. В конце концов, присяжные освободили его и его товарищей (29-го июля 1921 года).

С тех пор он жил в Риме, где издавалась "Уманита Нова", пока фашистская оккупация Рима, в 1922 году, не прекратила ее существование. Малатеста провел свои последние счастливые международные дни благодаря последовавшему приглашению швейцарских товарищей принять участие в их чествовании Конгресса в Ст. Имье 1872 года путем международного частного совещания. Он был единственный, переживший 1872 год. Тессинеский товарищ провел его нелегально через Альпы, и он содействовал митингам в Базеле и Ст. Имье, прошедшим в самом лучшем духе. Затем появилась швейцарская полиция — так как он был выслан из Швейцарии в 1877 году, 43 года назад — и он поспешил сесть в автомобиль и вернулся в Рим.

С тех пор он был буквально узником, живя в своих собственных комнатах, так как один полицейский постоянно сидел внизу перед лестницей, четыре других полицейских сидели во дворе, а также стоял наготове полицейский автомобиль. Он мог бы расстраиваться из-за всей этой провокации, которая благодаря изоляции его от друзей приносила ему большие страдания, но он так твердо верил втечение всех этих лет в скорое падение фашизма, что он считал все это оскорбительные придирки временными. Кроме того, он хотел быть на месте в случае падения фашизма, чтобы иметь возможность действовать и давать советы, так как он думал, что он сможет сделать самое лучшее, будучи только на месте. "Что-ж, я буду там", были его слова. Эта мысль должно быть была его утешением— жертвой высшей верности делу всей его жизни.

Он снова начал работать — как он делал это в промежутки между усиленной агитацией или тюрьмою — и почти в 70-летнем возрасте в 1923 году работал еще раз в качестве электротехника. Но людей, нанявших его, полиция так часто тревожила, что они должны были закрыть свою мастерскую. Он редактировал с января 1924 до октября 1926 года очень интересный двух-недельный журнал "Pensiero e Volonta" (Мысль и Воля), содержавший его самые зрелые статьи. Журнал часто конфисковывался и должен был прекратить существование осенью 1926 года, когда все нефашистские издания в Италии были закрыты. Он был умышленно отрезан от своих иностранных друзей и товарищей строгой цензурой его корреспонденции, лишившей его большинства писем, книг и периодических изданий. Но он был связан со многими вещами и писал самые интересные и актуальные письма и статьи до самого последнего времени, печатавшиеся в заграничных анархических газетах

Его интеллект и дух не были сломлены до последнего часа. Он страдал, как Кропоткин, от хронического расширения бронхов и был обречен, как он, получить удар от простуды, закончившийся воспалением легких. Как Кропоткин, он был лишен средств для укрепления своего здоровья, благодаря полной изолированности или заключению в своих комнатах втечение года. Когда он захотел насладиться морским бризом втечение нескольких дней, летом 1931 года, он должен был вернуться в город благодаря невыносимому стеснению. С тех пор он никогда больше не был вполне здоровым и воспаление легких сразило его в апреле 1932 года. С этого времени он мог дышать только благодаря вдыханию кислорода. Это была страшная борьба — которая ослабила его сердце и истощила его выздоравливавшие силы. В конце мая он стал снова надеяться и почувствовал постепенное улучшение, но в конце июня он понял, что это была иллюзия и что он не выздоровеет. Затем, 18-го июля, он стал ослабевать и скончался в пятницу 22-го июля, в 12:20 дня, 1932. Газеты не могли известить о его смерти и почти все посетители останавливались полицией. Он должен был быть похоронен на следующий день. Автомобиль с гробом, автомобиль с семейством, два полицейских автомобиля, нагруженные полицией, и полицейские на мотоциклетках раз-

вивали полную скорость по направлению к кладбищу по указанному пути, под наблюдением полиции.

Его приемная дочь захотела принести букет красной гвоздики, которую полиция угрожала отнять, и она выбросила цветы через окно. Над могилой — в ряду могил бедняков — кладбищенские власти, по их правилам, как они заявили, поставили крест и его вдова должна была предпринять шаги для удаления его.

Таковы были последние дни и конец человека, который для каждого настоящего итальянца давно стоял наряду с их великими национальными героями Мадзини и Гарибальди, который для всех анархистов и передовых мыслителей стоя наряду с Бакуниным, Элизе Реклю, и многими другими из самых лучших, и который для бесчисленных друзей и товарищей был их самый смелый, яркий, интеллигентный, скромный, активный и преданный товарищ и друг.

М. НЕТТЛАУ.

27-го августа, 1932.

———»§«———

НА КРЕСТЕ ЗОЛОТОМ

Над печальной землей
Крест стоит Золотой;
Жутким светом он мир озаряет.
Тот кто сир и гоним,
Тот всю жизнь перед ним
Безутешно и горько рыдает.

Пред Крестом Роковым
Поп, судья, властелин
Пьют вино, пляшут танец звериный,
А народ пред Крестом —
Приневолен трудом
И измучен сильною машиной.

Собрались у Креста
Каторжане труда,
Батраки под'яремной работы.
Изнывая в тоске,
Шлют проклятья судьбе,
Спины гнут под Крестом—Эшафотом.
Разжигают похабным разгулом сердца,
Пресмыкаясь в грязи у подножья Креста
Лижут жалобно язвы гвоздиные.

Сумасшедший солдат,
Что готов разстрелять
Возмущенного голодом брата,
Под Крестом Мировым
Возлежит недвижым
Презираемый, всеми проклятый.

Над несчастной землей
Крест стоит Золотой,
Будто призрак унылый, холодный.
Мировой Капитал
Этот Крест основал
На слезах и на крови народной.

Вокруг Креста —
Горе — тьма,
Пирамиды из тел
И озера дымящейся крови,
Престарелые, злобные шопоты стрел
Да кандальные сумные звоны.

Огражденный грехом,
Освященный попом,
Гордо высится Крест — Гильотина,
Он стоит много лет,
Охраняя от бед,
Своего буржуа — господина.

Кровожадный буржуй!
Крест „Святой“ поцелуй
Обагренными кровью устами;
На рабочих костях,
На крестьянских телах
Он воздвигнут твоими руками.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

1923 Март.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

МЕТОДЫ АНАРХИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Методы в анархической пропаганде крайне важная вещь. Они являются отображением тех личностей, которые ведут пропаганду и тех идей, которые эти личности пропагандируют.

В политических партиях методы не играют такой важной роли. Для них человеческая личность и ея роль в жизни общества — крайне незначительные вещи, имеющие значение поверхностное и второстепенное, для них человек — не больше как микроскопическая частица громадного целого: организации или партии. Поэтому для политических партий важно не качество личностей, а их количество: числе членов имеющих партийные билеты и голосующих за того или другого выделяющегося члена партии, за того или другого вождя. И пропаганда в политических партиях поэтому тоже вещь крайне несложная. Им нужны массы послушные, подчиняющиеся решениям комитетов, вождей и — пропаганда для них сводится к привлечению этих масс в ряды партии, к набору членов в организации, как набирают солдат для армии, которыми вожди руководят из партийных центров как армией.

Партиям массы нужны только для завоевания власти, для создания и удержания своего партийного правительства, которое уже декретами и приказами разрешит все общественные вопросы и сверху — из партийных центров — силой и принуждением насадит и создаст рай для всех людей на земле и перестроит мир по образцам, формам и методам заранее установленным и предписаным для всех людей без исключения.

Не равенства возможностей и условий для всех людей хотят и добиваются политические партии, а только уравнения их материально, физически или морально. И хотя мало кто уже верит в возможность существования людей с одинаковыми моральными, физическими, духовными и другими интересами, качествами и стремлениями, но политические партии все еще продолжают быть приверженцами библейской идеологии о греховности человека и защитниками божественного или авторитарного начала в общественной жизни. Политическим партиям важно сохранить авторитарно-унитарное начало в жизни, и этому фетишу они приносят в жертву все: и человека и общественную жизнь людей.

Разнятся политические партии одни от других фактически только тем, что, имея одни и те же основные моральные предпосылки в своей активности и в своих методах, они заменяют экономические интересы одних групп людей экономичекими интересами других групп, во имя интересов которых они властвуют или собираются властвовать и переустраивать мир.

Республиканцы, либералы, демократы, радикалы, социалисты, коммунисты и т. д. отличаются одни от других главным образом тем, кто и во имя чего и кого будет властвовать, или переустраивать мир и руководить людским стадом.

Синдикалисты, хотя и отбрасывают формально политическую форму организации общественной жизни, в действительности очень мало чем отличаются от политических партий. Отличаются тем, что переводят организацию масс с политической плоскости на экономическую.

Социалисты, например, стремятся достигнуть руководства жизнью людей сообразно политическим планам и при помощи политической организации масс, — синдикалисты же надеются этого достигнуть при помощи экономической формы организации. Но в сущности своей экономические организации ничем не отличаются от политических, ибо синдикализм — не больше как метод организации, которым пользуются различные политические и идеологические группировки для проведения в жизнь своих целей и задач.

Этим же, между прочим, об'ясняется также почему синдикаты являются таким полем борьбы и страшных склок для раз-

ных политических партий и идейных группировок. Все сейчас пекутся об экономической организации масс: от папы римского до анархо-синдикалистов.

Это также об'ясняется почему, несмотря на то, что так много говорится о **единстве экономических интересов рабочох масс в теории, — на практике эти экономические организации** рабочих масс суть не больше как поле борьбы для разных идеологий и делятся на безконечное количество групп и группок, в зависимости от идейных воззрений вождей и масс ее составляющих.

Человек — существо **социальное** и экономические и политические интересы подчиняются им его социально - общественным и нравственно - личным воззрениям. И только постолько, поскольку синдикальные политические, экономические или другие вопросы находятся в соответствии с его общим миревоззрением, он ими и интересуется. И часто в политике рабочий бывает консервативным, или даже фашистом, а в экономике протекционистом и даже приверженцем эксплуатации. История двух последних десятилетий жизни народов мира — этому неопровержимое доказательство.

ЕДИНСТВЕННЫЕ, кто отрицают **всякую** форму политической или экономической организации своих приверженцев и последователей это — анархисты. Оно вытекает из самых основ анархического понимания вещей и идеологических устремлений этого учения.

Анархисты не стремятся к захвату власти: они не верят в возможность переустройства общественной жизни людей на новых более человеческих началах ни методами политически-государственного насилия, ни экономического принуждения. И — ясно, что массы, как массы, им ни для чего служить не могут, и интересуют их только постолько поскольку они являются массами человеческих личностей, сознательный, способных бороться за лучшее будущее и жаждущих новых и лучших взаимоотношений между людьми в их общественной жизни.

Анархисты идут поэтому к массам не как к рабочим, или как к количественно важному целому, а как к массовым личностям: стремятся не к их организации, или об'единению в аморфные группировки, а идут к ним для того, чтобы сеять среди этих массовых личностей свет сознания, идеал свободы и всеобщего благосостояния, стремление к лучшем убудущему и любовь и уважение ко всем людям. Не слепое выполнение массами распоряжений и приказов из организационных центров, ни тем менее руководство массами интересует анархистов и им важно, а сознательное сотрудничество этих масс как личностей в общих устремлениях к уничтожению привилегий и государственного и общественного насилия и создания общежитий свободных и всеобщего благосостояния для всех людей.

Свободное общество может быть следствием только свободного и добровольного сожительства членов этого общежития. А для этого необходимо, чтобы в таковых общежитиях отсутствовала какая бы то ни была форма насилия и принуждения и какие бы то ни было формы привилегий и прав человека над человеком. А такое общежитие может быть следствием только сознательного и добровольного создания таковово самими людьми, но ни в коем случае не может быть создано насилием, или принуждением какой бы то ни было власти, или какой бы то ни было организации.

СВОБОДНОЕ общество может быть создано только свободными людьми и только методами свободы.

Поэтому для анархистов важнейшей основной частью их работы является не столько собрание и об'единение масс в организации, сколько идейное сознание и нравственное активное действие личностей этих масс. Для анархистов важны человеческие личности и их нравственное сознание и активность, а не их классовое или кастовое состояние, ни экономическое положение. Фашист остается фашистом, будь он хоть и рабочий.

Анархистов интересует больше всего сознательное активное действие человека, а не его классовое, групповое или экономическое состояние. Важен сам живой человек, а не его имя или его звание. И

именно поэтому методы в анархической пропаганде иные чем в политических партиях и — методам в анархической идейной пропаганде придается такое важное значение.

Не имея нужды в аморфных массах ни для каких личных или групповых целей, они и не идут к массам как к стадам, чтобы загонять их в свои стойла, — в свои политические клубы, или экономические организации, а как к массам отдельных личностей, способных свободно и независимо мыслить и действовать. Стремятся пробуждать в массах сознание и привить инициативу в действии; несут к ним освобождение от невежества и предразсудков и прекраснейший идеал всеобщего освобождения и благосостояния. Не как к представителям той или иной группы интересов, не как к той или иной классовой или кастовой группировке, а как к людям, к носителям высших ценностей и строителям великого будущего человечества, способных и сами стать сеятелями свободнических идей свободническими методами и готовых уже и при современных условиях стать нравственно и морально выше той среды, в которой они живут, вращаются и действуют.

Анархисты идут к массам, чтобы пробуждать в них человеческое достоинство, их высшие лучшие качества, их прекраснейшие устремления и толкать их по пути активного и человеческого действия для пользы всех людей и всего человечества. Одним словом, идут к массам как воспитатели, а не как политики; как друзья, а не как руководители; стараются пробуждать в людях их личность, их сознание, их инициативу и приучать их к свободному независимому действию, к практическому свободному об'единению своих воль и своих усилий, а не к подчинению и послушанию и выполнению приказов вождей.

Анархисты стараются быть воспитателями, друзьями и товарищами своих собратьев по общей борьбе и, поэтому, направляют все свои усилия не столько на организационное об'единение масс, сколько на их нравственно - идейное и духовно-активное об'единение и сеют свои идеи среди масс людских, как хлебопашец — поле.

Не всегда понятно их посевы дают желанные и должные всходы и часто сорные травы появляются там, где они надеялись видеть здоровые всходы анархической мысли. Часто даже забирается на анархическое поле и политический болтун, а то и просто шарлатан или злостный вредитель и начинают разсыпать по этому полю вместо семян здоровой любви, радости и всеобщего благосостояния, ненависть, злобу и политическую труху. Этих вредителей и этих сорных трав на анархическом обширном поле не всегда можно избежать. Они туда прутся и пробираютя и, понятно, часто приносят не мало вреда анархическому делу.

Это зло на анархическом поле деятельности нужно стараться изжить, но втаскивать из-за этого на анархическое поле жандарма и палача было бы и безсмысленно и неанархично. Единственный путь, чтобы изжить это зло, это — усилить анархическую активность, лучше обрабатывать умы и чувства людей и тогда оно исчезнет само собой за отсутствием среды.

Единственный путь, самый верный путь, к осуществлению **анархии**, это — кропотливая незаметная работа на человеческом поле, сея на нем сознание и идеал свободы.

На этом пути, понятно, нет места для героев и жаждущих красоваться и руководить, ни для желающих строить рай на земле насилием и принуждением.

Но это — единственный путь, по которому скорее всего можно будет придти к новому лучшему будущему человечества.

Не отрицая никакой другой общественной работы, анархисты главные свои усилия отдают на посев своих идей, а не на собирание масс. И методы пропаганды этих идей это свободное принятие их и их практика всеми людьми .

Свободное общество смогут создать свободным действием **только** свободные люди. И на работу пробуждения в людях свободной личности и свободной инициативы и выработки из них свободных людей, должны быть направлены усилия всех анархически мыслящих людей.

Ф. ДРУГОВ.

АНАРХИСТЫ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Окончание).

Прибегает матрос и сообщает, что стены в погреб опять сломаны и народ растаскивает вино. Я приказал ему заложить отверстие, закрыть дверь и охранять погреб, а, погодя, я ему вышлю смену. Матрос ушел.

Пробираясь дальше вглубь здания, я заглянул в один из боковых зал и вижу как двое штатских, отворотив крышку громадного ящика, роются в нем. На полу валяются различные серебряные предметы. Я вхожу и, направив на них маузер, командую: „ни с места"! В ответ они моментально выхватывают наганы и открывают по мне стрельбу. Я успел укрыться за дверь и позвал своих матросов, несколько отставших от меня. Учуяв неладное мародеры хотели улизнуть через другую дверь и скрыться с награбленными ценностями, но матросы нагнали их. Отобрав от них ценности и уложив их обратно в ящик, я приказал кронштадтцам вывести мародеров на улицу и расстрелять, что и было сделано.

Наконец, стрельба прекратилась и кто то сообщил, что главные ворота взяты. Вскоре мы встретились с солдатами, которые проникли во дворец уже через главные ворота. Здесь мне сообщили, что Временное Правительство сдалось и таким образом борьба с юнкерами была покончена.

Перед мною встала другая задача: охрана Зимнего и очищение его от публики. Я собрал кронштадтцев и взывая к их революционному сознанию, просил их принять на себя охрану Зимнего. Матросы отказывались, мотивируя тем, что это вызовет антагонизм к ним частей петроградского гарнизона, которые почувствуют себя обиженными тем, что охрана дворца поручена не им, а кронштадтцам. Но мне удалось их убедить, что весь позор за разгром дворца падает на них как главных участников штурма, и они согласились принять охрану. Я выставил караул у главных ворот, а ворота у Эрмитажа приказал закрыть, ввиду близости к ним винного погреба. Внутри дворца я выслал патрули, которые должны были очистить дворец, главным образом, от штатской публики, среди которой много набралось матросов и любопытных и уговорить матросов и солдат покинуть дворец.

Караул у главых ворот я усилил солдатами и приказал во дворец никого не впускать, а выходящих тщательно обыскивать и все вещи отбирать. Скоро под воротами выросла громадная гора отобранных вещей.

Наконец, военный штаб догадался выслать воинскую часть для охраны дворца, которая и сменила мой караул.

К этому времени на площади скопились все участники штурма. Ждали выхода арестованных министров. Для них были приготовлены уже машины. Мы уговорили толпу не делать никаких эксцессов министрам. Сделали для них проход в толпе до автомобилей. Вот и они... Из толпы сыплются шуточки и остроты по адресу „горе - министров". Некоторые делали, даже, угрожающие движения. Однако, удалось избежать эксцессов, несмотря на воинственное настроение толпы. Все министры спокойно прошли сквозь строй толпы к автомобилю. Один Маслов, потеряв достоинство, впал в животный страх, увидев злобные „рожи" матросов и солдат.

Увидев толпу, он шарахнулся назад, ухватился за сопровождавших его и закричал: „спасите, спасите меня!" Пришлось уговаривать его, что никто не собирается его убивать и что он просто не видел никогда так близко народ и поэтому ему страшно. Все же для Маслова специально пришлось раздвинуть проход и шел он сопровождаемый по бокам солдатами, уцепившись за них и с ужасом озираясь на матросов, которые нарочно, смеха ради,

делали ему страшные рожи.

Временное Правительство окончило свое существование. Министров отвезли в крепость. Передав охрану дворца караульной части, я поехал в Смольный.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Было уже около трех часов утра, но в Военно- Революционном Комитете кипит лихорадочная деятельность.

Дверь, с наскоро написанной надписью: „Военно - Революционный Комитет“, не успевала закрываться. Люди с возбужденными лицами непрерывной струей врывались туда и быстро мчались обратно, получив нужные указания и распоряжения. Совершалось величайшее событие, где весь успех предприятия зависел от молниеносности действий и быстроты решений Каждая минута была ценнее вечности. Не было времени для разговоров и рассуждений. Люди не говорили, а стреляли короткие необходимые, ясные слова и на ходу получив две-три руководящих фразы, стремглав мчали их туда, на фронт, развозили по городам и селам необ'ятной России, рассеивали по революционной стихии.

В комнату, где происходило заседание Военно - Революционного Комитета редко кто допускался. Все распоряжения представителям с мест давались отдельными членами комитета в первой комнате. Там, во второй комнате, так ценна была каждая секунда, что даже обсуждение важнейших государственных вопросов, а других там и не было, производилось, если можно так выразиться, со стенографической сокращенностью. Во всяком случае, документы государственной важности зачитывались скороговоркой, выборками особо существенных мест... Для голосования не было времени. Кто успевал первый, тот кратко формулировал постановление, и если немедленно не последовало ни от кого возражения, формула автоматически считалась принятой и член комитета, предложивший формулировку, моментально получал документы и удалялся составлять проэкт постановления, попутно делал все вытекающие из постановления распоряжения. Оставшиеся члены комитета сейчас же переходили к другим делам и так, не прерываясь ни на минуту, заседание длилось день и ночь в течение нескольких недель. Того, кто в изнеможении засыпал за столом, пересаживали в кресло в глубине комнаты, а на его место садился, жуя на ходу краюху хлеба, тот, кто успел к тому времени, хоть немного выспаться. Неутомимее всех был Дзержинский, который поэтому чаще всех председательствовал в Комитете.

Известные всему миру радиограммы: „Всем! Всем! Всем!“... составлялись тут же в Комитете несколькими членами Комитета, взявшими на себя эту задачу. Каждый составлял свой проэкт. Принят был лучший, а остальные с некоторой переделкой были опубликованы позднее. Ленин уже не заходил в Комитет, но был в курсе его работы. Особо важные решения давались ему на просмотр. Он сидел, как я указал уже выше, в смежном с нами помещении под охраной и безпрепятственный доступ к нему имели только члены Военно - Революционного Комитета. Троцкий тоже ушел в другое помещение для организации Наркомата Иностранных Дел. Однажды с ним вышел курьез. Прибежал он в комитет, схватил кусок хлеба и свалившись в кресло, говорит: „Только у вас здесь, кипит деятельная работа. Как посмотрю я на вас, так делаюсь спокоен за судьбу революции. Только у вас я отдыхаю“. Хотел он еще что то сказать, но на полуслове уснул. Недоеденный кусок хлеба вывалился из рук. Такая картина была обычна в то время и потому никого не удивила. Заседание Комитета продолжалось.

Проспав с полчаса, Троцкий вдруг проснулся и в ужасе спрашивает: „сколько я спал?“, но не дождавшись ответа, быстро убежал из комитета.

В то время странно было бы видеть спокойно идущего человека в Смольном. Все бегало, суетилось. Всем не хватало времени.

НАСТУПЛЕНИЕ КЕРЕНСКОГО

Ночь на 26-е октября, после взятия Зимнего Дворца, прошла в налаживании связи с другими городами и, главное, с Москвой, где, по имевшимся у нас сведениям, не хватало сил для свержения власти. Туда были двинуты некоторые части, а, главное, артиллерия и оружие для рабочих.

Уж один факт поддержки Петербурга должен был воодушевить московских рабочих в борьбе со сторонниками Временного Правительства. В артиллерии Петербург не испытывал нужды, так как к тому времени почти весь питерский гарнизон был в распоряжении Военно - Революционного Комитета. Были лишь некоторые части, которые дали обещание не выступать против Воен.-Рев. Комитета.

Главной же опорой служил балтийский флот, подошедший к Питеру, могучая артиллерия которого в критический момент могла оказать поддержку частям, двинутым против казаков Керенского для охраны подступов к Петербургу.

Сведения о движении Керенского на Петербург были все тревожнее. Один за другим к Смольному подходили отряды рабочей красной гвардии, во главе которых часто стояли анархисты.

Грузовики подвозили оружие и огнеприпасы. Подтягивались артиллерия и броневики.

Делался запас продовольствия. Из красногвардейцев и рабочих тут же формировались части, вооружались и направлялись на фронт к Царскому Селу, где предполагалось дать решительный бой казакам Керенского.

Многие воинские части оставались в городе и их не посылали на фронт, считая не вполне надежными.

В непосредственном распоряжении Военно-Революционного Комитета были оставлены два латышских полка, состоящих почти сплошь из большевиков с анархическим уклоном. Им была поручена охрана Смольного.

Перед главным под'ездом Смольного было установлено несколько орудий и пулеметы, тут же стояли наготове броневики. На случай вынужденного оставления Смольного на Неве против Смольного дежурили несколько пароходов, на которых должны были спастись защитники Смольного в критический момент. Днем стало известно, что один полк, стоявший на позиции под Царским Селом, при получении сведений о движении казаков, самовольно снялся с позиции и возвращается в Петербург, мотивируя это тем, что ему не подвезли пищу и, вообще, солдатам надоело сидеть в болоте.

Конечно, в казармах куда уютнее для окопавшихся тыловиков. Их не стали уговаривать, потому что в критический момент на фронте, они могли привести к катастрофе. Рабочие отряды, разомкнув цепь, наскоро прикрыли прорыв, но в это время казаки, предупрежденные, повидимому, о предательстве ушедшей с фронта части, пошли в атаку. Во время подоспел к фронту отряд кронштадтских матросов - анархистов, которые разсыпались в цепь вдоль железнодорожной насыпи во фланг наступающим казакам. Подпустив казаков почти вплотную, матросы открыли фланговый огонь. Находясь сами под фланговым огнем противника и неся большие потери, матросы держались и бились до последнего. В это время из Питера подходили свежие рабочие отряды, а с судов, стоявших в морском канале, был открыт огонь из дальнобойных орудий. Казаки не выдержали и отступили к Царскому, понеся большие потери.

Вскоре от казаков пришли парламентеры и из'явили желание вести переговоры с представителями Военно - Революционного Комитета о прекращении братоубийственной войны.

Как известно, результатом переговоров явилось позорное бегство Керенского, у которого не осталось ни одного защитника из многочисленной армии, главковерхом которой он себя считал.

Из армии шли отрадные известия. Фронтовые части одна за другой приветствовали Военно - Революционный Комитет и обещали ему "всемерную поддержку".

Из различных городов поступали сведения о свержении власти Временного Правительства. В Москве шла общая борьба. Кронштадтцы сформировали новый отряд и настаивали на отправке его в Москву. Учитывая эффект участия кронштадтцев в московской борьбе, мы срочно двинули их в Москву. И, действительно, одного известия о движении кронштадтцев в Москву было достаточно произвести перелом в борьбе и сопротивление защитников Временного Правительства было сломлено.

ПЬЯНЫЕ ПОГРОМЫ В ПИТЕРЕ.

После того, как было отбито наступление Керенского на Петербург, в Военно-Революционном Комитете создалась уверенность в победе.

Рецидивные выступления некоторых юнкерских училищ уже не имели никакого значения и с легкостью подавлялись революционными частями. Даже те части, которые не хотели борьбы с казаками Керенского, охотно шли на усмирение юнкеров. Повидимому, здесь имел значение социальный антагонизм.

Особенно отчаянно защищалось Владимирское военное училище на Петроградской стороне, для взятия которого пришлось применить артиллерию и почти разрушить здание. Юнкера, не успевшие сдаться во время, прикалывались штыками раз'яренными солдатами, понесшими большие потери от пулеметного огня юнкеров. Расправившись со всеми врагами революции, питерский гарнизон, повидимому, решил, что пора отпраздновать победу.

Военно - Революционному Комитету сообщили, что воинская часть, охранявшая Зимний Дворец, перепилась вином, переполнявшим подвалы Зимнего. Мы выехали на место и убедились, что весь караул Зимнего — пьян, но „поддерживает порядок"... пьянства. В подвалы Зимнего пропускаются только солдаты; штатских же не подпускают и близко, причем разрешают на месте пить до безчувствия, но вино, вынесенное наружу, отнимают и разбивают о мостовую. Все же некоторым солдатам удавалось выносить вино на улицу и там шла бойкая торговля вином. Покупали штатские, которые не могли попасть в Зимний. Пришлось снять спившуюся часть с караула и поставить караул от другой части. На другой день получилась прежняя картина. Караул спился. Поручили караул кавалерийской части. Тоже не выдержала... Установили, что Павловский полк, ближе всех расположенный к Зимнему, считает, что вино принадлежит этому полку и регулярно присылает каптенармусов за водкой. Если же караул не подпускал к вину, то полк высылал вооруженный отряд и требовал вино. Караул сдавался и начинал сам пить.

Вино, представлявшее громадную ценность, растаскивалось по казармам. Питерский гарнизон пировал победу, считая, что царское вино по праву принадлежит теперь солдатам.

В Военно-Революционном Комитете десятки раз обсуждалось тревожное настроение в связи с пьянством в Зимнем Дворце. Вырабатывалась масса декретов, но ни один нельзя было осуществить из-за противодействия солдат.

О передаче охраны красногвардейцам не могло быть и речи, т. к. ввиду существовавшего антагонизма между солдатами и красногвардейцами, караул последних был бы немедленно снят силой оружия и дело могло кончиться кровопролитием.

Некоторые члены Комитета предлагали поставить у Зимнего броневики и пулеметами разгонять пьяниц от дворца. Конечно, об осуществлении этого дикого проекта не могло быть и речи, ибо это могло привести к возстанию гарнизона.

Был проект под предлогом перевозки вина в Кронштадт, отправить его в Швецию, которая предлагала за вино несколько миллионов рублей золотом; но кронштадтцы и слышать не хотели об этом. Они вполне справедливо заявляли, что это возстановило бы против них Питерский гарнизон, который усмотрел бы здесь, что кронштадтцы хотят одни воспользоваться вином, которое принадлежит Петербургскому гарнизону.

Наконец, последнее решение разлить вино в подвале и выкачать в Неву тоже

потерпело фиаско. Солдаты установили дежурного у Зимнего и, как только заметили наши приготовления, немедленно пошли на приступ к дворцу.

Наконец, член Комитета Галкин, заявивший, что он сам любитель выпить, даже и не царское вино и поэтому вполне понимающий психологию солдат, желающих отпраздновать победу революции, предложил об'явить гарнизону, что вино из царских подвалов Зимнего, в знак ознаменования победы, отдается солдатам питерского гарнизона и будет отпускаться представителям частей ежедневно из расчета две бутылки на человека в день. Не видя никакого другого выхода из положения и, опасаясь за ценности дворца в случае могущего произойти погрома, Военно - Революционный Комитет принял это предложение.

Охрана дворца была поручена латышским стрелкам, которые производили выдачу вина по соответствующим удостоверениям военных частей.

Таким образом пьянство солдат было узаконено, но введено в рамки.

Нужно отдать справедливость, что за все время ведения караула Зимнего латышскими стрелками, ни один из них не прикасался к вину при исполнении своих обязанностей.

В казармах шел пир горой, пока не покончили с последней бутылкой царского вина.

Тут вспомнили, что помимо царского вина есть еще вино в других подвалах города.

На помощь солдатам тут шли подозрительные типы, а часто и настоящие провокаторы, направлявшие солдатские массы на погромы, которые разведывали, где находятся частные винные погреба и наводили пьяных солдат на мысль о разгроме этих погребов.

Для Военно-Революционного Комитета настало самое критическое время за все время переворота. Солдатская стихия, отдавшая себя в распоряжение революционного органа и лишь частично державшаяся нейтрально, вышла из-под руководства этого органа и действовала вопреки ему, нарушая мирную жизнь города пьяными погромами.

Создалась благоприятная почва для всяческих провокаций. По улицам бродили пьяные банды терроризируя население беспредметной стрельбой. Слова убеждения не действовали на пьяных солдат. Разгорелась вражда к красногвардейцам, т. е. к рабочим, противодействовавшим иногда погромам. В силах революции намечался раскол. Революции угрожала смертельная опасность. Революционный Питерский гарнизон, давший победу Октябрю, **пропивал революцию.**

В Военно - Революционном Комитете, царило смятение. Телефоны заливались пронзительным треском: "громят, громят"... Дежурный член Комитета снимал трубку, автоматически спрашивал: "Где!", записывал адрес и тотчас же вешал трубку. Отчаянные вопли в телефоне его уже не волновали, он уже знал в чем дело. Нужно было дать возможность следующему сообщить адрес.

Все свободные от караула солдаты латышских частей были высланы на грузовиках в разные части города для ликвидации погромов. Однако, ликвидация пьяных погромов было дело не легкое. Солдаты громили винные погреба при полном вооружении, а иногда, даже, под прикрытием пулеметов. Пьяные солдаты поставили себе как правило при погромах, не допускать к вину штатских и тем приходилось или переодеваться в солдатскую шинель или хитростью проникать в погреб с риском для жизни. На улицах, где кутили солдаты, нельзя было высунуть носа, так как роем носились пули, это солдаты отпугивали штатских от вина.

Случайно подвернувшихся солдат силою загоняли в погреб и накачивали вином.

При такой обстановке, естественно, всякое появление красногвардейцев вызывало форменное сражение и в конце концов сами рабочие стали протестовать против посылки рабочих красногвардейских отрядов на ликвидацию погромов. Матросы тоже отказывались выступать против солдат. Единственная надежда была на ла-

тышских стрелков, не принимавших участия в погромах и строго дисциплинированных. Но и они избегали применять оружие при ликвидации погромов и старались действовать убеждениями. Пьяные солдаты, были, конечно, глухи к словам убеждения и нередко латышские стрелки возвращались в Смольный, оставляя солдат за своим занятием. Но огромная волна все расширялась, принимая угрожающие формы.

Военно - Революционный Комитет вынужден был принять крайние меры. По городу были расклеены грозные извещения о том, что "все участники погромов будут разстреливаться из пулеметов без предупреждения". Это сократило количество участников погромов, но погромов не остановило.

На грузовиках, во главе отрядов латышских солдат, вооруженных пулеметами и гранатами, отправлялись на места погромов члены Военно-Революционного Комитета с чрезвычайными полномочиями вплоть до разстрела погромщиков из пулеметов.

При малейшем сопротивлении погромщиков по толпе открывался огонь из пулеметов, а погреб забрасывался гранатами, превращая его в жуткое месиво вина и крови. Пожарные доламывали бочки с вином, разбивали штабеля бутылок и выкачивали красную смесь паровыми насосами на улицу. Потоки этой пахучей хмельной влаги текли по улице, смешиваясь с грязью и лошадиным пометом. Однако, не взирая на это, толпа с жадностью набрасывались на грязную кровяную жидкость и хлебала ее прямо с земли. В дальнейшем было решено не ждать, когда солдатня пойдет в погреб и разгромит его, а самим выявить все склады вина и заблаговременно, тайно разлив его в погребе, выкачивать в канализационные колодцы при помощи пожарных. Действовать приходилось с большой осторожностью, так как солдатня с молниеносной быстротой узнавала о ликвидируемых складах и стекалась туда "отбивать" вино.

Пьяный психоз настолько был заразителен, что захватил, даже, и некоторых членов Военно - Революционного Комитета, руководивших ликвидацией погромов и винных складов. Нередко руководители ликвидационных отрядов, возвращались в Смольный в блаженном состоянии, идеализируя погромщиков, как стопроцентных большевиков, которым просто захотелось на радость революции выпить. Член Комитета Петерсон рассказал однажды о таком случае: во главе отряда латышей, на грузовике он направился к семеновским казармам, где семеновцы громили один из погребов. Врезавшись в толпу солдат, он именем Военно - Революционного Комитета начал убеждать их прекратить погром, но пьяные солдаты не понимали его слов. Из всего, что он им говорил, они уловили только одно слово "большевики". Поднялся пьяный рев: "Ура! мы все большевики, а красногвардейцев нам не надо". Стащили Петерсона с грузовика и, лобызаясь с ним, накачали его вином.

В развеселом настроении Петерсон вернулся с отрядом в Смольный и заявляет: "ну, как можно по ним стрелять, ведь они же наши большевики, но хотят выпить"...

Однако, веселье это чуть было не стоило всех завоеваний октябрьской революции. Вот где ярко выявилась широкая русская натура. В один присест русский мужик может спустить плоды своего тяжелого труда. Так он готов был пропить и революцию, за которую только что шел на смерть.

Несколько месяцев тянулась погромная волна, пока все склады вина не были уничтожены.

На Васильевском острове районные власти прибегли даже к взрыву пятиэтажного дома, чтобы уничтожить громадный винный склад. Для этого жильцы дома в течение одного часа были выселены из дома. Конечно, инициаторам взрыва была дана после хорошая нахлобучка за то, что они среди суровой зимы лишили сотни семейств крова и домашнего скарба, но все это говорит о том, сколь серьезное положение создалось в связи с погромами.

После ликвидации Военно - Революционного Комитета в Смольном был организован специальный комитет по борьбе с погромами.

Ф. ДРУГОВ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Интернациональный Сборник „П. А. Кропоткин и его учение". Издание Русской Федерации ан. - ком. групп Соединенных Штатов и Канады. 1931 г. 350 стр.

***

Петр Кропоткин занимает одно из важных и выдающихся мест в современной анархической литературе. Имя Кропоткина, как человека, анархиста и ученого известно почти всему радикальному миру. О нем и его учении существует уже большая и многочисленная литература на нескольких языках: специальные трактаты, статьи, очерки, брошюры и книги, написанные еще при жизни этого великого человека. Но после его смерти эта литература обогатилась еще и новыми изданиями.

К первой годовщине смерти П. Кропоткина — в 1922 году в России был издан книгоиздательством "Голос Труда" и под редакцией А. Борового и Н. Лебедева специальный сборник, посвященный памяти П. Кропоткина. Этот сборник, имеющий 250 страниц, содержат в себе очень богатый и ценный материал: статьи, очерки, воспоминания и речи о Кропоткине, а также и удачно составленный библиографический указатель всех его многочисленных литературных работ в их правильном хронологическом порядке.

В прошлом году, к 10-ой годовщине смерти П. Кропоткина, в Америке был издан Федерацией русских анархистов и под редакцией Г. Максимова большой интернациональный сборник, содержащий в себе 350 страниц ценного материала, как статьи, письма, воспоминания, приложения и т. д.

Новый сборник, посвященный жизни и учению П. Кропоткина, несомненно важный вклад в область так называемого "кропоткиноведения", но нового и оригинального материала очень мало в этом сборнике. Несмотря на то, что редакция и издательство сборника поставили своей задачей дать полную и исчерпывающую характеристику учения П. Кропоткина, они, однако, не достигли этой цели вполне: интернациональный сборник является источником или сборником случайных статей, не связанных ни единством плана, ни идейной однородностью, так характерной кстати, для всего творчества П. Кропоткина. Но этот крупный недостаток сборника легко искупается богатым содержанием его многочисленных статей.

Первое место в сборнике занимает Рудольф Рокер со своей статьей на тему "Петр Кропоткин и его творчество". Рокер дает общую характеристику Кропоткина, как человека, мыслителя и борца, и общий анализ его работ в области анархизма и науки. Он указывает, что Кропоткин является пионером нового сознания — анархического — и проводником, указывающим человечеству путь, ведущий в обетованную страну анархического социализма. Но, как ярый защитник синдикализма, Рокер уделяет мало внимания главному и основному месту в учении Кропоткина — анархическому коммунизму.

Некоторым дополнением к этому является статья М. Корн "Коммунизм П. Кропоткина", в которой правильно указывается, что коммунизм Кропоткина есть свободный, анархический коммунизм, ибо властнический коммунизм, против которого боролся Кропоткин, устанавливает анти-свободную систему человеческого рабства. Только анархический коммунизм сможет обеспечить довольство и свободу личности и обществу, в то время, как государственный коммунизм, мало считаясь с личностью, насильным образом порабощает общество. Следовательно, анархизм и коммунизм всецело дополняют друг друга и только полное осуществление анархического строя (не через переходные периоды) создаст возможность дальнейшего углубления и расширения идей свободы и равенства в новых общественных формах.

Статья Ж. Грава "Большинство и меньшинство" трактует вопрос с анархической точки зрения. Однако, эта статья, как правильно указано в примечании к ней, не является изложением взглядов Кропоткина на этот вопрос. Зато статья Волина "Вожди и массы" является уже более или менее точным изложением взглядов Кропоткина на этот в высшей степени важный вопрос. Как известно, государственные социалисты и коммунисты не верят в созидательно-творческую способность массы, признавая за ней только ее разрушительную способность. Отсюда вытекает их предпочтение, оказываемое вождям и диктаторам. Согласно Кропоткину, властническому принципу творчества **сверху** противопоставляется анархический принцип творчества **снизу**, при чем этот последний принцип следует понимать в смысле помощи масс, и в смысле идейного руководства массой.

Пьер Бенар в своей статье "П. Кропоткин и аграрный вопрос" — развивает точку зрения Кропоткина на земельный вопрос — один из важнейших вопросов современности. Он указывает, что, согласно Кропоткину, этот вопрос может быть разрешен только благодаря непосредственному участию крестьян в социальной революции, ибо интересы рабочих и крестьян в такой революции одни и те же. Как последовательный анархист и защитник свободной политической организации общества, Кропоткин также защищал и свободную экономическую организацию производителей-крестьян, которые, экспроприировав частные и государственные земли, должны работать совместно, не прибегая к наемному труду, в пользу общины или земельной коммуны, справедливо разрешая таким образом аграрный вопрос.

Существенным дополнением к этой статье является статья Поля Реклю "Организация сельско-городской коммуны", в которой излагается план организации свободной коммуны в современном буржуазном обществе.

Крупная статья "Синдикализм и анархизм" принадлежит самому П. Кропоткину. В этой статье Кропоткин дает небольшой исторический обзор этих двух течений в современном рабочем движении. Как известно, Кропоткин не был противником синдикалистского движения, хотя и был ярым противником партийного или догматического синдикализма. Больше и лучше, чем кто либо другой, Кропоткин знал, что синдикализм не является теорией или учением, но лишь одним из практических методов в борьбе рабочего класса за постепенное улучшение его экономического положения в рамках существующего строя. "Синдикализм означает: прямое действие, прямая борьба рабочих против капитала. **Это, конечно, еще не анархизм** (курсив мой — Л. Л.) — говорит кропоткин в одном месте этой статьи. Весьма понятно, что синдикализм не есть родственное анархизму течение, ибо оба понятия — анархизм и синдикализм — находятся в двух различных плоскостях. Анархизм есть определенная и научно-обоснованная теория о свободной жизни свободных людей, синдикализм-же, не имея под собой солидного теоретического или идеологического фундамента, есть не более, как один из практических методов в экономической борьбе рабочего класса. Анархизм - коммунизм есть **основная цель**, во имя которой анархическое движение возникло, жвет и развивается во многих странах, синдикализм-же есть только **средство** к этой цели. Анархическое движение есть более или менее однородное течение, синдикалистское же движение есть неопределенное течение, направленное в сторону преследования различных и часто противоречивых идеалов. Противопоставление анархизма синдикализму и обратно является, поэтому, совершенно искусственным маневром, лишенным всякого логического основания и смысла.

В своей длинной и несколько тенденциозной статье "П. Кропоткин и синдикализм" Г. Максимов силится, однако, доказать обратное, а именно: что анархизм и синдикализм родственные течения, и что Кропоткин всегда выступал защитником синдикализма. То же самое стремится доказать и А. Шапиро в своей также длинной статье "П. Кропоткин и интернациональ-

ное рабочее движене“. Но наши почтенные синдикалисты обыкновенно забывают, что синдикализм, выросший на почве разочарования рабочих в парламентаризме и в политике вообще, не имеет своих родственных корней в анархизме, хотя 1-ый Интернационал, куда рабочие входили не как анархисты, а как члены профессиональной организации, **организационно** приближался к синдикализму, но **идеологически** он был близок анархизму! Поэтому, рекламирование синдикализма вообще и втискание Кропоткина в прокрустово ложе синдикализма в особенности здесь не поможет. После всего, вся важность этого вопроса заключается не в том, что Кропоткин был другом рабочих и сторонником синдикалистского движения — это само собой понятно, — но именно в том, что он не был узко-партийным человеком и что анархизм, лучшим теоретиком которого он является, был для него важнее и дороже всякого другого “изма“.

Отношение П. Кропоткина к кооперации выражено в небольшой статье А. Атабекьяна “ Взгляды П. Кропоткина на кооперацию“ и в письме Кропоткина к Дмитровским кооператорам, написанном им уже в России в конце 1920 года.

Статья “Анархизм и социализм“ (по П. Кропоткину) принадлежит А. Мюллеру-Леннингу. В ней в общих чертах дается обрисовка того социализма — свободного, безгосударственного социализма, т. е. анархизма, сторонником и теоретиком которого и был П. Кропоткин.

М. Пьерро в своей статье “П. Крпоткин и война“ пишет об отношении Кропоткина к “последней“ мировой войнее. Как известно, Кропоткин, как последовательный анархист и антимилитарист, был решительным противником всех империалистических войн. Это внидо из всех его произведений, написанных им до 1914 года — до возникновения мировой войны. Но с этого времени Кропоткин выступил защитником войны против милитаризма Германии и призывал анархистов и вообще всех честных людей на войну против немецкой военщины, совершенно забывая при этом, что дух милитаризма во всех капиталистических странах один и тот же, и милитаризм Германии не лучше, следовательно, милитаризма Франции, в защиту которой он выступил. “Военная“ позиция Кропоткина вызвала много споров и кривотолков в анархических рядах, раздробив и без того слабое анархическое движение на несколько враждебных частей.

Много споров и раздоров среди анархистов вызвал и другой вопрос — организационный вопрос. По этому вопросу в сборнике помещена статья П. Аршинова под длинным заголовком “Формы и принципы организации анархистов в борьбе за коммунизм и анархию“. В ней правильно указывается, что Кропоткин был противником всякой централистической формы организации и сторонником определенной формы свободной, анархческой организации, основанной на принципах однородной идеологии и моральной ответственности анархистов. Принцип “вольного соглашения“ признаваемый Кропоткиным, недостаточен для того, чтобы об‘единить и укрепить анархическое движение; здесь нужна еще и общая идейно - организационная база, на которой необходимо построить анархическую организацию, отражающую интересы и потребности всего анархического движения. Только наличие такой организации предохранит анархическое движение от распадения на мелкие части и будет вместе с тем способствовать дальнейшему укреплению и развитию анархических идей среди трудящихся масс.

В небольшой статье “Что дал П. Кропоткин“ Л. Бертони указывает на огромное влияние Кропоткина и его произведений на людей. Кропоткин своим учением и моральной жизнью сильно влиял на людей, и его произведения немало способствовали количетсвенному росту новых сторонников анархизма.

В своей второй статье “П. Кропоткин и русское революционное движение“ М. Корн касается зарождения и развития анархического движения в России и отношения Кропоткина к нему. Она, мало, однако, пишет о революционном движении России и лишь вкратце указывает на отношение Кропоткина к некоторым подлинным

революционным организациям, как например, "Земля и Воля" и "Народная Воля". Сильно жалея о смерти Кропоткина, она справедливо указывает, что лишь в теперешнюю революционную эпоху нам нужен творческий ум Петра Кропоткина.

Последнюю часть в сборнике занимают воспоминания М. Неттлау ("П. Кропоткин за работой"), С. Яновского ("П. Кропоткин каким я его знал") Эммы Гольдман (П. Крпоткин"), а также и письма П. Кропоткина к Г. Брандесу, С. Яновскому, М. Корн, Хр. Корнелиссену и др. Особенного внимания заслуживают еще и два документа Кропоткина: небольшая статейка о русской революции, в которой Кропоткин старается найти ответ на вопрос "Что делать анархистам во время революции? — предлагая им заняться построительной работой, подобрав для этого ядро честных и преданных работников анархизма; и письмо-обращение к западно - европейским рабочим, в котором Кропоткин ,касаясь общего экономического и политического положения России вскоре после октябрьской революции 1917 г., которую он считает "продолжением великих революций Англии (в 1639 г.) и Франции (в 1789 г.)", советует европейским рабочим войти в прямые сношения с борющимся русским народом и помочь ему в построительстве новой свободной жизни.

Кроме воспоминаний, писем и некоторых других документов, в сборнике имеется несколько приложений, среди которых наиболее важным является "Воззвание по поводу казни Феррера" (13-го октября 1909 г.), принадлежащее перу П. Кропоткина, и ряд мелких статеек о Кропоткине и его учении таких авторов, как Александр Боровой, Александр Беркман, Н. Критская, Н. Лебедев, Э. Малатеста, Э. Пуже и др.

Как заключительную часть сборника, надо отметить одну небольшую статью М. Изидина "Из области научно-философских взглядов П. Кропоткина", перепечатанную или переведенную из одной французской анархической газеты, в которой автор в набросанных общих штрихах дает верную характеристику научных идей Кропоткина в таких областях, как биология, социология, философия и этика, правильно замечая при этом, что Петр Кропоткин был не только революционным анархистом, но в равной мере и выдающимся ученым, — и многочисленные примечания к статьям, не всегда нужные и мало об'ясняющие и часто даже затрудняющие чтение сборника.

В общем, не считая некоторых мелких недостатков, погрешностей и ошибочных мыслей, допущенных сознательно или бессознательно, интернациональный сборник "П. А. Кропоткин и его учение" производит хорошее впечатление; такое же впечатление производит и техническая сторона сборника. И остается только пожелать ему успешного распространения среди читающей русской радикальной публики.

Л. ЛИПОТКИН.

РЕЗОЛЮЦИЯ 1-ГО С'ЕЗДА, БЕЗВЛАСТНИЧЕСКИХ ГРУПП КАНАДЫ, СОСТОЯВШЕГОСЯ 1—2 ОКТЯБРЯ 1932 ГОДА В ГОРОДЕ ТОРОНТО.

В самое неудобное время, тяжелое, критическое время собрался анархический с'езд русских групп. В дни всеобщего разочарования и летаргической спячки рабочих, в дни, когда внутренние раздоры, а не борьба за улучшение жизни и переустройство социального строя занимают умы даже передовых людей современного общества; когда ненависть и недружелюбие первенствуют даже в среде сознательных и организованных рабочих; когда забыты и затоптаны солидарность и единство; когда раз'едание и самоистребление (расприи, споры, обвинения) — свили себе прочное гнездо в среде безвластников, — в это время, в этот тяжелый момент, с'ехались делегаты с разных концов центральной Канады.

С'ехались не с целью спорить, не обвинять друг друга и не выставлять одних чистыми ,других нечистыми, одних грешными, а других святыми, одних в белом одеянии, а других в черном, а для того, чтобы **положить великое начало — краеугольный камень под здание об'единенного анархического движения**, если не на всем Северо-Американском континенте, то хотя бы в Канаде; — чтобы начать стягивать сперва наши разрозненные силы, а потом всех трудящихся под черное знамя безвластия; положить начало подлинного товарищеского взаимопонимания, солидарности и взаимопомощи, и общими усилиями нести факел, который освещал бы путь всему человечеству: к свободе, братству и равенству.

Делегаты присутствуют из Монтреала, Виндзора, Веланда, Гамилтона и Торонто.

Из докладов с мест выясняется, что нежелательный исход русской революции оттолкнул многих старых членов от организации, убил у них желание трудиться и бороться за лучшую жизнь. Выезд многих передовых товарищей в Россию тоже отразился плохо, так как неспособность оставшихся товарищей к публичным выступлениям потушила интерес масс к нашим идеалам. Членский состав групп очень невелик. Ощущается недостаток в лекторах, докладчиках и агитаторах. Большая потребность в анархической литературе на украинском языке. Выходящие журналы "Пробуждение" и "Дело Труда" распространяются во всех группах, за исключением монтреальской, последняя распространяет только "Дело Труда". Группы с мест рекомендуют федерациям вышеупомянутых журналов повести работу в направлении об'единения и создания одного журнала. Рекомендуется также создание массовых организаций и ведение культурно-просветительной работы .

Об организации.

Доклад об организации вызвал продолжительные дебаты, после которых принята следующая резолюция:

Создавать повсюду среди трудящихся безвластнические группы и массовые организации под названием "Рабочие Союзы Самообразования", по образцу бывших С. Р. Р., с целью об'единения таковых в одну федерацию. Организуясь, мы ставим своим заданием стремление к самообразованию, всячески избегая всевозможных трений и споров в нашей среде, ибо последние мешают нашей работе в пропаганде анархических идей. Взаимным спорам и вражде в нашей среде должен быть положен конец. Нам пора понять, что на наших распрях наши идейные враги выигрывают и нашим кнутом нас секут. Пора понять кто наши друзья и кто враги, и только против врагов употреблять свое оружие.

О Федерации.

Для ведения революционной работы среди трудовых масс, мы об'единяемся в автономную федерацию. Никакой общественный строй не может исчезнуть пока в рамках этого строя не будут подготовлены

элементы новой жизни, нового общественного порядка.

Создавая автономную рабочую федерацию, мы вменяем ей следующие обязанности: а) снабжение групп и организаций безвластнической революционной, научной и просветительной литературой; б) посылка докладчиков и лекторов во все места, где только будет необходимо; в) налаживание связи с родственными группировками в Канаде и заграницей; г) ведение защиты арестованных товарищей; д) созыв конференций и с'ездов по надобности.

Секретариат.

Выбирается на первое время два человека: секретарь и касиир. В случае надобности рекомендуется пополнять состав ближайшей организации.

Об агитаторах.

Рекомендуется секретариату иметь списки лиц, способных выступать публично. Кроме того, рекомендуется каждой организации на местах создавать школы докладчиков, в которых товарищи, желающие и способные могли бы проходить известный курс раньше, чем выступать публично.

Членские взносы

Ввиду весьма тяжелого финансового положения в настоящее время, с'езд не может указывать точную сумму месячных взносов, предоставляя каждой организации разрешать данный вопрос на месте согласно своему усмотрению. С'езд все же рекомендует вносить в федеративную кассу не менее 10 сентов в месяц с каждого члена.

Об издании литературы

Тогда как безвластнической литературы на русском языке имеется в большом количестве, на украинском таковой совсем нет, а интерес украинской колонии к безвластнической литературе большой, в особенности за последние годы, когда большевики - коммунисты среди всех народностей копают себе все большую и большую яму.

Принимая во внимание большой спрос на местах, решено постараться дать возможность украинским трудовым массам познакомиться с учением и идеями Кропоткина и других основоположников свободного будущего общества на началах безвластия. В первую очередь намечены следующие труды к переводу и изданию их на украинском языке: "Государство и его роль в истории", "К молодому поколению" и "Нравственные начала анархизма", а затем приступить к переводу и изданию более солидных трудов, как "Хлеб и воля" и другие. Избранной комиссии поручено приступить к подготовительной работе. Точно также решено подыскивать силы и способы для издания печатного органа на украинском языке.

О распространении литературы

Единогласно решено приняться к интенсивному распространению литературы, имеющейся на русском языке. Рекомендуется всем союзам на местах избрать литературных агентов, составить списки имеющейся на руках литературы, необходимые для отчетности и информаций, и переслать сведения федеративному секретарю. Снизить цены на некоторые книги и брошюры. Нуждающимся в той или другой книге и брошюре союзам рекомендуется обратиться с запросами в федерацию.

О печатных органах

Можно сказать, что из всех средств, которыми пользуется капитализм и государство для поддержания существующего порядка, печать является самым могущественным.

Нам следует всеми силами создавать и поддерживать свою печать, следует как можно шире бросать в ниву народную семена свободы и сознания.

Беда только та, что очень часто созданная нами печать пользуется людьми (единицами и группами) для сведения своих личных и корыстных счетов; вместо общественных, научных, художественных и просветительных статей, мы видим статьи, в которых выливаются ушаты помоев одними авторами на других. Вместо призыва к борьбе против угнетателей и эксплоататоров, призывают к борьбе против таких же груп-

пировок, какими сами являются. Вместо призыва к солидарности и об'единению, призывают к ненависти и раз'единению уже созданных об'единений. И все это происходит, к глубокому сожалению, в наших безвластнических органах.

Мы, делегаты Канадского с'езда безвластников, заявляем, что такие вещи недопустимы, вредны и пагубно отражаются на всей нашей работе. Распрям и взаимной вражде не должно быть места в наших рядах.

Мы призываем всех безвластников С. Ш. обратить на это серьезное внимание.

Мы настоятельно просим отдельных товарищей и группы, составляющие федерацию "Пробуждение", точно также группы и отдельных товарищей из федерации "Дело Труда", серьезно задуматься над вопросом: кого мы из себя представляем? Если мы зовем человечество к чему-то великому, новому, гармоническому, красивому, дружному, об'единенному, целому и разумному, то можем-ли мы в действительности похвалиться этим величием и новизной? Существует-ли между нами гармония, красота, дружба, братство, единство, цельность и разумность? Не отворачиваются-ли от нас люди, замечая у нас наивысшую взаимную ненависть и безконечные распри?

Конечно, найдутся многие готовые отвечать и поучать да раз'яснять, и опять докатятся до злобы и ругани. Нет, довольно! Углубление, расширение, внедрение в умы трудящихся масс идей безвластия, создание массовых безгосударственнических организаций должно поглотить наши умы и силы, а не распри и пустословие никчемное. Мы призываем всех тов. в Соединенных Штатах и имеющиеся федерации созвать общий с'езд, на котором главным образом надо раз и навсегда покончить с неладами и распрями, от которых наша работа с каждым днем все более увядает; об'единить все имеющиеся федерации в одну общую федерацию с одним солидным печатным органом.

Мы, канадцы, верим, что это возможно. Нет тех идейно-принципиальных расхождений, которые бы нас раз'единяли и заставляли идти врозь. За дело, товарищи! Да здравствует об'единение и солидарность! Вперед на борьбу за безвластие!

О создании земледельческой общины.

Доклад на эту тему был заслушан с'ездом и принят к сведению. Вопрос будет поднят на местах, и возможно найдутся желающие трудиться на земле и применять общий труд и владение вещами хотя бы до некоторой степени.

Протест.

В дни лихолетья, когда миллионы трудового люда стонут в тисках безработицы, доходя до самоубийства, когда мировыми империалистами порабощаются беззащитные нации, когда топчется достоинство личности, — с'езд безгосударственников Канады возвышает свой голос протеста.

Мы протестуем против канадских властей за преследование духоборов — этих духовных рыцарей за мир и любовь на земле — за их томление в тюрьмах, за отнятие детей от материнской груди. С'езд протестует против английского правительства, угнетающего народы Индии, лишившего свободы ея философа Ганди; против правительства Польши, держащего в кабале подвластные народности; против японских империалистов, терзающих душу и тело китайского народа.

Горячий протест с'езд шлет советскому правительству, именующему себя рабочим, и держащему в неволе и ссылке борцов за права и свободу трудового люда в лице профессора Борового, Хархардина и других.

С'езд зовет в ряды безгосударственников всех трудящихся и угнетенных на борьбу за свои человеческие права и лучшую долю на земле. Ибо мы верим, что только с исчезновением государсва и всех его институтов исчезнут кровавые войны, безработица и нужда, и освобожденный человек благословит себя на вольный труд и пожнет его достояние.

КОМИССИЯ.

ДОКУМЕНТАЦИИ

В Федерацию групп „Пробуждение в С. Америке и Канаде

Дорогие Товарищи,

Узнав от товарища Махно о деятельности вашей Федерации, о той непрерывной нити, которой Федерация связывает все времена деятельности анархо-коммунистов в Америке, обращаемся к вам в связи с следующим:

Молодому анархическому движению в Болгарии, которое имеет хорошие перспективы для своего развития и делает замечательные усилия идейной и организационной консолидации, нужно изучение истории борьбы угнетенных и ограбленных против тирании государства, привелигированных и церкви. С другой стороны, опыт международного анархического движения был бы большою помощью для правильного определения нашей общей ориентации и деятельности. Поэтому организацией болгарских анархо - коммунистов в Париже, при содействии анархо - коммунистических групп в Тулузе, Берне, Канах и товарищей из Болгарии, создан институт документации, который имеет следующие задания:

Собирать книги, брошюры, рукописи, доклады и резолюции с'ездов, журналы и газеты, касающиеся следующих вопросов:

а) История человеческих обществ и общественных институтов.

в) История социальных, политических и экономических учений и движений.

в) История анархической мысли и деятельности.

Мы обращаемся к товарищам всех стран помочь нам в деле ознакомления с развитием международного анархического движения.

В частности, просим вас, товарищи, прислать нам коллекцию вашего журнала „Пробуждение" и выходящей анархической литературы на русском языке в Америке. Если вы хотите, мы вам будем посылать выходящие в Болгарии газеты и литературу.

С товарищеским приветом
Секретарь Комиссии:
Шидерев.

Адрес:
M. Desbois, Rue Parmentier 19
Paris—France.

Париж.

Отчет Федерации групп "Пробуждение"

ОТЧЕТ ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП „ПРОБУЖДЕНИЕ" ОТ 1-го СЕНТЯБРЯ ПО 12-го ДЕКАБРЯ 1932 ГОДА

Приход за журнал „Пробуждение"

ЕЛИЗАБЕТ — Р. П. Общество.................$4.75
БОСТОН — П. Розуменко.................1.00
РОЧЕСТЕР — Л. Лазарев.................2.00
СТРУДЕР — С. Мельнич.................1.00
ГАРТФОРД — М. Лавренюк.................2.50
НЬЮ ЙОРК — К. Д. Свободы.................7.90
БАЛТИМОРЕ — Общество Самообразование 3.75
ЭМБРИДЖ — П. Руль.................1.25
КАНАДА — С. Сак.................1.60
ДЕТРОЙТ — 15.25

ИТОГО — — — — — — $41.00

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ФОНД

Группа Гартфорд.................$11.25
КАНАДА — П. Якушин.................1.75
БРУКЛИН — Войтович.................1.25
БРОНКС — Б. Гершенфельд.................5.00
Кружок Друзей Свободы.................2.10
БАЛТИМОРЕ — Общество Самообразование....14.75

ИТОГО — — — — — — $36.10

ДЕТРОЙТ В ФОНД

Е—в.................$2.00
П. Ковальчук.................4.00
П. Дубровин.................1.00
.................1.00
К. Шевчук.................1.00
Т. Фурман.................1.00
Т. Шумович.................1.00
П. Соколович.................1.00
Волынский.................

ИТОГО — — — — — — $12.00

Подписка на „ПРОБУЖДЕНИЕ.................$8.50

ВСЕГО — — — — — — $97.60

РАСХОД

.................$68.50
Издание журнала.................6.50
Перевод статей.................24.47
Почтовые расходы.................1.00
В Антимил. Бюро, Голландия.................

ИТОГО — — — — — — $100.47

.................97.60
Общий приход.................100.47
Общий расход.................

ДЕФИЦИТ — — — — — — $2.87

.................46.49
В прошлом отчете дефицит.................

ВСЕГО ДЕФИЦИТА — — 49.36

.................40.00
Прежний долг тов. П. Ковальчуку.................

ИТОГО ДОЛГА — — — — — — $89.36

КОМИССИЯ К. ШЕВЧУК
М. Волынский.

Открыта подписка

НА ЖУРНАЛ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп "Пробуждение".

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подыскавию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.